

ІСТОРІЯ ПРИВАТНОГО ЖИТТЯ

Константин Ерусалимский

История одного развода: Курбский и Гольшанская

Константин Ерусалимский

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗВОДА: КУРБСКИЙ И ГОЛЬШАНСКАЯ*

Светлой памяти Юрия Львовича Бессмертного

Фабула в сослагательном наклонении

1 августа 1578 г. московский эмигрант кн. А. М. Курбский «отпустил из дому» с разводными листами свою вторую жену кнг. М. Ю. Гольшанскую. Скандальные обстоятельства, разлучившие эту пару, выясняются из актовых источников: Метрики Великого Княжества Литовского, луцких и владимирских гродских судебных книг¹. Мнимая документальность распоряжений и показаний — вот главный подвох, который сказывается на попытках реконструировать причины, ход и результаты конфликта. По словам видного исследователя южнорусского средневекового семейного права О. И. Левицкого, бракоразводный процесс Курбских — «свидетельство того, что и в то время попытка строгого применения канонических требований к бракоразводным делам вынуждала супругов взводить друг на друга гнусные обвинения и сознательно прибегать к услугам лжесвидетелей»².

Интрига, скрытая за правовыми отношениями, обманчиво проста. Брак по расчету оказался выгоднее мужу, чем жене и ее детям. Княгиня же воспользовалась новым замужеством для борьбы за «наследство Гольшанских». Князю требовались наследники, иного способа сохранить имения, породниться с местной шляхтой и приобрести статус «доброго человека» не существовало, он понял бесперспективность второго брака и добился своей цели в третьем. Нравы «москвиты» были несовместимы с вольнолюбием и интересами волынской княгини, происходившей из могущественной династии. Или с целью улучшить карьеру он сыграл «ва-банк» и воспользовался шантажом, физическим воздействием и фабрикацией дел о грабежах, попытке отравления, адюльтере. Или же, наконец, он отвечал теми же методами судебной борьбы, которых не гнушались его противники. Не обязательно, что каждая из названных мотиваций отрицает все прочие³.

* This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 385/2000.

1 Далее в тексте ссылки на издание: [Иванишев Н. Д.]. Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные временною комиссиею, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волыньском генерал-губернаторе. — Киев, 1849. — Т. 1–2. Римскими цифрами обозначается номер тома, арабскими — номер страницы.

2 Левицкий О. Черты семейного быта в Юго-западной Руси в XVI–XVII вв. // Архив Юго-Западной России. — Ч. 8. — Т. 3: Акты о брачном праве и семейном быте в Юго-западной Руси в XVI–XVII вв. — Киев, 1909. — С. 108; см. также: Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. — Харьков, 1884. — С. 191. Прим. 2; 214. Прим. 1; Фотинский О. А. Обыкновенные люди старой Волыни: Из семейной хроники двух поколений фамилии дворян Загоровских во второй половине XVI в. // Волынский историко-археологический сборник. — Почаев; Житомир, 1900. — Вып. 2. — С. 158–159; Bardach J. Studia z ustroju prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. — Warszawa, 1970. — S. 304; Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in Osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts. — München, 1985. — S. 239–241.

3 Принимая различие речи (*discours*) и рассказа (*récit*), проведенное Э. Бенвенистом, мы обретаем возможность соединить противоположности, в том числе множественность интенций, и осмыслить их в «нестабильном времени» рассказа (Certeau M. de. *L'écriture de l'histoire*. — Paris, 1975. — P. 104–109). Развитие событий внутри рассказа предпочтительнее изучать не в последовательности от *темы / задачи / целеполагания* к *раскрытию / решению / достижению цели*, а в логике воображаемого взаимодействия между означающими, в которой сама «последовательность» образуется в их движении (Эко У. *Отсутствующая структура*. Введение в семиологию. — М., 1998. — С. 329–331).

Логика уже неоднократно приводила исследователей «частной жизни»⁴ Курбских к инициаторам, виновникам, разжигателям ссоры. Дистанция с действующими лицами повествования в таких случаях сокращается до минимума, ученые становятся следователями и разыгрывают сюжет как шахматную партию (с подзащитными белыми и осуждаемыми черными), в которой каждый поступок напоминает фигуру с определенной ценностью, правилом хода и игровыми приемами. Судебной процедуре подлежат постулируемые человеческие качества: «алчность» князя⁵; «крайняя смесь религиозного ханжества и отчаянного разгула» в княгине⁶; взаимная неприязнь в семье Курбских, ставшая следствием углубленных богословских трудов князя и распутного поведения оставленной без внимания княгини⁷; «предприимчивость» (*der Geschftssinn*) ревнивых пасынков князя, заинтересованных в материальных последствиях развода⁸. Герои не переступают через «пороги ожидания», старательно и прямолинейно выполняя свои миссии. В этом нам предстоит усомниться в настоящей работе. Интенции действующих лиц явлены в их выступлениях, но ими же и скрыты, поэтому наиболее продуктивным представляется обратиться к микроистории, в которой повседневная деятельность будет прочитана как «чередa попыток, выборов, принятий решений перед лицом неизвестности»⁹. При этом труднейшей задачей будет представить вместе с героями лица «неизвестности» и, по выражению Ю. Л. Бес-

смертного, «разговорить» источники¹⁰. При помощи микроанализа попытаемся расплести вероятные последовательности событий и детально рассмотреть те смыслы, которыми наделяют их участники одну семейную драму.

Взаимовыгодный брак

Московские послы М. Д. Карпов, П. И. Головин и К. Г. Грамотин отчитывались в 1579 г. необычайно подробно о государевом изменнике Андрее Курбском, деловито скрывая неточности своих информантов за туманом «большой политики»: «А на Курбсково деи от короля опала не бывала, а была деи на него от короля и от панов от болших кручина за то, была за ним жена княгиня Дубровитцкая, сестра двоюродная Остафя Волова паня, а в приданных за нею был город Дубровицы с поветом. И Курбскои княгини не любил и не жил с нею. И били на него челом королю Остафеи Воллов, да братья жены его, что з женою не живет, держит ее у себя в неволи, а именем приданым владеет великим. И корол по него посылал, а велел ему быти у собя Варшеве и со княгинею, да велел деи ему со княгинею распуститца, имене у него приданое велел отняти, и что он Остафю учинился недруг, да и корол деи для тово ж его не любит. А живет деи все в ымене в городке в Ковели. А любил деи его один пан Виленскои Ян Яронимов, а ныне деи и тот ево не любит для Остафя Волова»¹¹.

- ⁴ Это понятие условно применительно к семейной жизни шляхтичей и шляхтянок Речи Посполитой. Нормы, да и судебные процессы, позволяющие изучить «частное», слишком условны в вопросах разделения домохозяйства и семейной жизни, с одной стороны, и общественной деятельности — с другой. «Семья» шляхтича включала широкий круг лиц, геральдическую родню вместе с предками и свояками, и, видимо, не ограничивалась даже понятием «дома», охватывая также слуг, служебников и приятелей. Нуклеарная семья пользовалась определенной автономией, особенно в вопросах распределения посага, вена и совместной собственности, а также в завещательных операциях. Но, как показывает изучение записей в судебных книгах, идеология отношений между мужем и женой (детьми) была насыщена «публичной» патронально-клиентарной риторикой (Старченко Н. Публічність як домінанта культурної традиції (Волинь другої половини XVI століття) // *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. — К., 1998. — Т. V. — С. 69–74; Ее же. Депо про становище жінки в шляхетському соціумі (Волинь кінця XVI — поч. XVII ст.) // *Генеа-99. Філософські, історичні, політологічні студії*. — К., 1999. — С. 70–71; Ее же. Шлюбна стратегія двів і кілька проблем навколо неї (шляхетська Волинь кінця XVI ст.) // *Київська старовина*. — 2000. — № 6 (336). — С. 62).
- ⁵ Горский С. Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского. — Казань, 1856. — С. 181–189.
- ⁶ Опоков З. З. Князь А. М. Курбский. — Киев, 1872. — С. 28–43; Бартошевич Ю. Князь Курбский на Волини // *Исторический Вестник. Историко-литературный журнал*. — СПб., 1881. — Т. 6. — № 1. — С. 65–85.
- ⁷ Backus O. P. A. M. Kurbsky in the Polish-Lithuanian State // *Acta Baltico-Slavica*. — Bialystok, 1969. — Vol. 6. — P. 46.
- ⁸ Auerbach I. Op. cit. — S. 213, 231, 235–236.
- ⁹ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // *Одиссей*. — 1996. — С. 125.
- ¹⁰ Бессмертный Ю. Л. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени*. — М., 1996. — С. 16.
- ¹¹ Российский государственный архив древних актов. — Ф. 79 (Польские дела), оп. 1. — Кн. 11. — Л. 116–117. Отчет может принадлежать последним двум послам, поскольку Карпов умер в ходе посольства.

Панорама статейного списка поддается фокусированию и может быть представлена следующим образом:

А. М. Курбский женился на богатой вдове М. Ю. Гольшанской-Дубровицкой¹², но не любил ее и не жил с ней. Муж ее племянницы Федоры Павловны Сапежанки подканцлер Великого Княжества Литовского О. Б. Волович и дети княгини Марии от первого брака Ян и Андрей Монтолты пожаловались королю, будто он держал ее в неволе, стремясь прибрать к рукам приданое. Король прислушался к просьбе и заставил Курбских развестись. При этом князя Андрея все разлюбили: король, подканцлер и даже бывший друг гетман Я. И. Ходкевич. Версия очень проста: князь женился по расчету, жену не любил, посадил ее под замок, но об этом стало известно сначала ее родственникам, затем с их помощью королю, который заставил его отпустить жену.

Московские послы ошиблись насчет приданого: Дубровица с поветом не была в единоличной собственности вдовы луцкого каштеляна М. Т. Козинского. Дубровицкий замок был родовым имением князей Голь-

шанских. Им владел кн. Иван Юрьевич (ум. в 1481 г.) и следом за ним его сын Юрий (ум. в 1529 г.). Наследство кн. С. Ю. Гольшанского в 1556 г., по его завещанию, должны были разделить О. Б. Волович (как муж дочери кнг. Олены Гольшанской), а также Миколай и Богдан Павловичи Сопеги с сестрами умершей их матери Настасьей (женой кн. К. И. Заславского), Софьей (женой кн. А. И. Полубенского), Федорой (женой кн. Б. В. Соломерецкого), Марией Гольшанской (на то время женой М. Т. Козинского) и Анной (женой О. Кирдея Мыльского)¹³. Дубровицкое имение в 1568 г. было разделено между сестрами Марией и Анной¹⁴, но пограничные вопросы между ними не были улажены и продолжали решаться Гольшанской и Курбским¹⁵. О. Б. Волович, действительно, не был посторонним наблюдателем, но о его участии в разводном процессе известно только от московских послов. И все же, как мы увидим чуть позже, московские дипломаты довольно точно передали восприятие скандала в королевских придворных кругах.

¹² Точная дата неизвестна. 15-го августа 1570 г. на нее жалуется Ярофей Гостекый как на «пани Михайлову Козинскую» (Центральный государственный исторический архив г. Киева. — Ф. 28 (Владимирский гродский суд), оп. 1, д. 5. — Л. 218 об. — 219, 220 об. — 221). 6-го сентября возный Тихо Оранский свидетельствует в деле от 31-го августа об имени Осмиговичи, когда она еще была вдовой (Там же. — Л. 244 об. — 245 об.). Когда в том же году 25 ноября возный Хацко Чуват Туличевский положил в Осмиговичах позовы, она уже была замужем за Курбским (Там же. — Л. 361–361 об.). В декрете короля Стефана Батория дворянину М. Ясенскому упоминается раздел «имения Шешолского» 18 ноября 1570 г., и к тому времени княгиня Мария уже в третий раз вышла замуж (РГАДА. — Ф. 389 (Литовская Метрика), оп. 1, д. 65. — Л. 30 об.). В ноябре 1570 г. подводы княгини Марии были направлены из Дубровицы в Ковель, куда она, «хотечи мети мешканиа болшого у Ковли, аниж у Дубровицы», собиралась перевезти свои ценные и необходимые ей вещи: 11 ноября часть вещей оказалась на половине замка, принадлежащей ее сопернице-сестре Ганны (ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 6. — Л. 43–44). То есть Курбский и Гольшанская поженились между началом сентября и началом ноября 1570 г.

¹³ Sapiehowie. Materjały historyczno-genealogiczne i majątkowe / Wyd. nakładem rodziny. — Pt., 1890. — Т. 1. — С. 54–55, 112, 116–117, 121, 126; Auerbach I. Op. cit. — С. 211; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). — Київ, 1993. — С. 323.

¹⁴ Соломерецкие в разделе не участвуют, хотя Марина Васильевна Соломерецкая в первом браке была замужем за братом Анны и Марии В. Ю. Гольшанским (Сліж Н. Род Саламярцкіх на Магіл'єўшчыне ў XVI — першай паловы XVII стст. // Мінулая і сучасная історыя Магіл'єва: Зборнік навуковых прац. — Магіл'єў, 2001. — С. 57–58). См. о Полубенских: РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 274. — Л. 185–189 об.

¹⁵ Цель противостояния в конкуренции за наследство Гольшанских не ограничивалась Дубровицей. На королевском суде 19 мая 1581 г. закончилась более чем десятилетняя тяжба за имение Шешоли. Истцу — королевскому писарю Миколаю Войтеховичу Ясенскому — пришлось восстанавливать перед судьями столетнюю историю наследования — «лишею роду их милости кнежат Олшаньских» (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 65. — Л. 30 об. — 31 об.; Д. 68. — Л. 41–42; Д. 274. — Л. 310–310 об.). Острый конфликт не был разрешен за год до этого, 16 мая 1580 г. (ср.: Auerbach I. Op. cit. — С. 228. — Ann. 95). Спорной оказалась не только законная треть имения, принадлежащая королевскому писарю, но и «четвертая часть». Представитель митрополита А. Мархач уже после нового раздела по третям и создания пограничных «кошцев» заявил, что частей должно быть четыре: одна была передана племянницей кн. И. Ю. Дубровицкого Татьяной Семеновной церкви; вторая от Ивана Юрьевича перешла к его сыну, а от него, разделившись на две, попала в руки его дочерей — Марии Курбской и Анны Кирдеевой; и только последняя была продана виленским епископом Павлом Александровичем Гольшанским отцу Ясенского. Миколай Войтехович парировал замечание противника, остроумно устранив раздвоенные части кн. Юрия указанием, что Курбская и Кирдеева «и тепер часть тую держит» (*глаголю в единственном числе!* — РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 41 об.). Обе сестры, будучи соседками по Дубровицкому замку, непрестанно ссорились, и для заинтересованных современников это был настолько очевидный факт, что совместное владение сестер в Шешолях казалось анахронизмом, а это грозило подорвать авторитет распоряжений князей Ивана, Александра и Семена Юрьевичей Гольшанских. Впрочем, суд не принял аргумент представителя митрополита.

Ошибочно бытующее в историографии после исследований С. Горского представление о том, что выгодным брак был только для Курбского. Во-первых, он тут же энергично вступил в борьбу с противниками Гольшанской (родственниками ее бывшего мужа и сестрой Ганной) и помог ей в судебной деятельности¹⁶. Во-вторых, на 1570 г. приходится пик его политической активности: он вел переговоры с представителем императора о создании антитурецкой лиги¹⁷; в переписке с М. Ю. Радзивиллом в конце 1570 — начале 1571 гг. Сигизмунд II Август рекомендовал назначить князя Андрея Михайловича руководителем переговоров с московской знатью¹⁸.

Трудно восстановить эмоциональный мир Курбских в первые годы совместной жизни. Известие о том, что князь не любил жену и не жил с ней, почти не поддается переводу: во-первых, «любовь» в официальных московских делопроизводственных источниках, как и «милость» и «згода» в волинских¹⁹, передает только самые общие черты *положительного* отношения; во-вторых, рассказ послов относится, главным образом, к событиям после 1577 г. Что же происходило до этого рубежа? Курбские жили вместе. В первые же дни после венчания княгиня перевезла в Ковель к мужу свои драгоценности и 12 возов вещей²⁰.

¹⁶ См.: ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 5 (1570 г.). — Л. 218 об. — 219: 15 августа Ярофей Васильевич Гойский (муж золовки по второму браку княгини Марии Гольшанской) присылал в уряд служебника Семена Садовского, сообщая, что пани Михайлова Козинская лужкая каштеляновая княжна Гольшанская должна была ему за именье Осмиговичи 400 коп грошей. Он сам не мог прийти за деньгами во Владимирский замок и послал С. Садовского. Но она не пришла и не прислала с деньгами.

Л. 219–220: 16 августа Хапко Чуват Туличовский заявляет, что ездил со свидетелями на потребу Козинской к пану М. Лысаковскому, любачовскому каштеляну, в Устигут с ее служебником Адамом Садковским. Там служебник спрашивал, насылал ли пан своих служебников на ее двор Соличницкий и забирал ли к себе сестренца ее милости (племянника по сестре — Федоре Ю. Гольшанской-Соломерецкой) кн. Ивана Богдановича Соломерецкого. Служебник Марии Юрьевны Никон Матвеевич рассказал, что 3 августа был послан с защитным листом к пану Любачовскому. В Устилоге тот ответил, что никакого насилия не совершал, а сестренца ее действительно держит у себя, «бо ми тое княжа ест велми потребно».

Л. 244 об. — 245 об.: 6 сентября записывает Тихно Оранский, что был на потребе кн. Д. А. Козеки (двоюродного брата второго мужа Гольшанской) для вручения владимирских земских позовов «ее милости кашталановой Луцкой паней Михайловой Козинской паней Мари Юрьевне кнежне Гольшанской и зятю ее милости князю Николаю Ярославичу и жоне его милости о имене Осмиговичи» с прилегающими землями. 31 августа возный вручил позов княгине в ее именье Бискупичах. Мария Юрьевна просила читать и заявила, что ее зятю нет дела до ее именья Осмиговичи, она сама будет судиться по положенному сроку в день св. Михаила Римского и завтра сама пойдет во владимирский замок. Продолжение процесса: Ф. 28, оп. 1, д. 6. — Л. 11–13 (12 января 1571 г.).

Л. 361–361 об.: 30 ноября Туличовский заявляет, что 25-го положил два земских позова владимирского повета в именье Осмиговичи для Андрея Курбского, его жены Марии Гольшанской и для ее зятя кн. Николая Ярославовича и для его жены кн. Барбары Михайловны Козинской. Жалобу кн. Д. А. Козеки об им. Осмиговичи с приселками, ловищами Волосским, Коросневом и Сеневою. Никого не было, и он бросил позовы в щель в двери. Срок явки в суд назначен был на судебные роки, на праздник Трех Королей.

Л. 400: 30 декабря слуга Курбского И. И. Келимет сообщает, что 26-го найдены два позова в именье его пана Дубровице (sic!) в городской пинский уряд — написаны на имя его пана и его жены от О. К. Мильского и его жены Ганны. Срок судебного разбирательства — через 4 недели. Там же был реестр нанесенных истцам «кривд и шкод». Но на позовах не было указано, от кого и какого числа они принесены. Продолжение процесса см.: Ф. 28, оп. 1, д. 6. — Л. 32 об. — 33 об. (2 февраля 1571 г.), 42–44 (3 февраля 1571 г.) и т. д.; Д. 7. — Л. 36–36 об. (30 апреля 1572 г.). См. также: Старченко Н. Умоцовані — прокуратори — приятелі. Хто вони? (становлення інституту адвокатури на Волині в кінці XVI ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. — Київ, 2002. — Вип. 1. — С. 125.

¹⁷ Лурье Я. С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году: (По материалам Венского архива) // Археографический ежегодник за 1957 год. — М., 1958. — С. 460–461, 463, 465; Dyaryusze sejmów koronnych 1548, 1553 i 1570 r. / Z rękopismów wydał i przypisami objaśnił J. Szujski. — Kraków, 1872. — S. 134.

¹⁸ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. — М., 1978. — С. 45.

¹⁹ Записывая именье Осмиговичи мужу 22 августа 1571 г., М. Ю. Гольшанская воспроизводит общепринятую формулу, за которой трудно обнаружить прямые ходы в частную жизнь: «але значю я на всем ласку пирую и милость его милости князя пана малжонка моего милого ку собе...» (I, 29). В 1578 г., как увидим, княгиня будет показывать и устно заявлять, что от мужа испытывает только мучения и побои. Но уже во время повторного развода на королевском суде в Вильно 5 июня 1581 г. она заявляет, что жила с Курбским «в стане малженском колько лет в згоде» (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 67). В разводном листе епископа Феодосия записано, что князь Андрей Михайлович утверждал противоположное о своей жизни с княгиней Марией: «с которою през колько лет, в малженстве будучи, за некоторыми ростырками добре и згодливе в стане малженском мешкати не могли» (Там же. — Л. 69). В том же листе отмечено, что и «приятелі» обеих сторон обсуждали вопрос о качестве совместной жизни Курбских в браке, но, «по колко кроть на то высажонье, згодити не могли» (Там же). Хорошо они жили друг с другом или плохо — стало уже частью судебной игры.

²⁰ ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 6. — Л. 43–44.

В действиях Гольшанской историков настораживает добровольная передача большинства ее владений мужу в ущерб детям от первого брака. Хозяйство княгини, тем не менее, представляет собой своеобразный удел свободной шляхтянки. Старшая в роду, она отстояла свое право на владение половиной Дубровицы, но была вынуждена заложить или сдать в аренду часть своих имений после смерти второго мужа М. Т. Козинского в 1568 г. Судить о том, была ли княгиня самостоятельной и храброй женщиной (*virago*), приходится уже только по следам ее деятельности в период третьего замужества. Еще будучи вдовой, она сдала свое имение Осмиговичи (двор и село с приселками) в аренду служебнику О. Б. Воловича Андрею Романовскому сроком на 3 года до 22 мая 1572 г. За месяц до назначенного срока она освободила всех подданных имения от повиновения и выплаты долгов арендатору, и распорядилась конфисковать его имущество. По рассказу «потерпевшего» от 19 мая, Гольшанская не поступилась землей, разделила имение, оставила в нем одного тяглого человека, одного боярина Пахна и нескольких огородников. А большую часть приселка Сенявки отдала своему служебнику боярину Якубу Яхиму Севенскому, ему же она отдала в 1569 г. весь сев в 20 мац жита, который соответствовал 200 копам. Весь скот она отправила оттуда в свое имение Дубровицу, чем вновь нарушила договор. Потом в 1571 г. прислала в приселок Коросно слугу своего Миска с плугами и работниками и приказала сеять поля. В том же году осенью наслала служебника своего Грицка Вербского на Осмиговичи, который, в отсутствие арендатора, творил «многое вархолы и клопоты» и вселился в один из домов. А 14 апреля 1572 г. ее милость сама со своими слугами приехала во двор Осмиговицкий и забрала все «в моц, справу и владность свою», «бояр и людеи, куды хотечи, посылала и на роботы до потреб своих оборочала и в дворе речей моих властных живности на себе и на слуги мяса, куриц, хлеба, меду, пива и иных потреб на кони овса, яцменю кгвалтом брат и дават собе казала, также и сеяти овес з спижарни силою брати ве-

лела, и челед мою Рикуню и з девками з двора выгнала». 22-го апреля она приехала еще раз, и, согласно жалобе Романовского, «пеняла, нарекала и переказ учинила, подбуряючи, а в непослушенство людеи ку мене приводячи и мене не за державьцу, але яко за урядника своего менуючи им». Люди, которых Романовский именует своими, отказались на него работать и ему служить. Гольшанская продолжала вытеснять противника из имения, и 8 мая, по приказу своего мужа, ночью напала на Осмиговичи и выбила оставшихся подданных арендатора, взяла его вещи и задержала его посланников со срочными распоряжениями. Когда приехал урядник Романовского, «она его зфукала, злаяла и в везенье осадить была казала». Гольшанская заявила, что там теперь ни ему, ни его пану делать нечего: там все принадлежит ей. После чего она начала грозить палкой и заявила, что имеет право рассылать людей, куда ей вздумается; долги платить запретила, телеги и слуг отправила в Дубровицу, урядника лишили коня, и он был пешком отправлен к своему пану. 18 мая она еще раз ответила «сродзе з фуками» уряднику, что здесь его господин уже ничего не получит и может судиться с ней по праву²¹.

Ромодановский так и поступил: 25 мая Курбский и его жена были вызваны на процесс, который в связи с бескорольевыми продлился до июля 1574 г. За два дня до вызова владимирский возный И. Лединский был с Романовским и со шляхтой в Осмиговичах. Местный интерьер дополняет картину быта Курбских. Во дворе они увидели тиуна, пекаря, шеф-повара и иную челядь. Княгиня, побыв 2 недели, за день до этого уехала, и за урядника остался боярин Моисей, которого в момент появления делегации не было на месте. Романовский заметил «белую голову зегармиистра кнегини ее милости Курпское» и спросил, чья и что во дворе делает. Ответила «на смех его», что «я, деи, сама своя, пани твоя, а тут мешкаю яко в своем. И заобачившись, мовила, же, деи, я ничего невинна, ям слуга кнегини ее милости Курпское, там живу, где ми велют». Оказалось, что во дворе «белых голов немало». В одном доме нашли швей

²¹ Там же. — Д. 7. — Л. 66 об. — 73.

княгини, которые шили золотом и шелком по полотну. С ними были две малые девушки, еще одна в сених²². Спросили «оних овечок», давно ли они тут и где княгиня. Они ответили, что их привезли в прошлый понедельник из Дубровицы, а княгиня вчера с сел отъехала к князю. Во дворе оказалось много слуг и служебниц Курбской. Бывшая служанка Романовского Рекунья Малюта была найдена и начала плакать, что терпит великую неволю. На ночь ее якобы сажают на цепь, а днем стерегут Макошич и Савка Жуков и не дают ей есть. От притеснения и голода «мушу ляда вден смерть принят». Романовский дал ей несколько грошей на еду и сказал, что она должна быть «терпливе до права». Никого не дождавшись, попробовали отдать позов тиуну, который брать его отказался. Позов был оставлен в светлице. Сбежались слуги, поп, слуга княгини Копоть. Людей спросили, кому они служат теперь. Они ответили, что служебнику княгини Грицку Вербскому, который держит их, как в неволе. А другие Курбским «до двора робять»²³.

Княгиня, таким образом, проводила свою политику в Осмиговичах, внешне исполняя распоряжения мужа и рассчитывая на его военную поддержку. Попытка посадить слуг на арендованной земле закончилась для А. Романовского серьезной проблемой. Он мог их лишиться или обречь на страдания, сходные с теми, которые якобы испытывала Рекунья. Княгиня, вытесняя противника, простила долги его должникам, переманила на свою сторону какую-то часть слуг, других подчинила угрозами. Чтобы окончательно избавиться от следов хозяйства арендатора, она создала из своей дубровицкой дворни новый штат, а также швейную мастерскую и посадила на именье урядника. Однако мотивы ее деятельности не противоречат тому принципу совместного с мужем семейного хозяйства Курбского и Гольшанской, который отмечался современниками. Этот принцип распространяется и на фамильное владение Гольшанской, кото-

рое слуга князя И. И. Келемет уже в первые дни после венчания Курбских называет именем своего пана²⁴. Курбский выступает распорядителем имений жены и посылает в Дубровицу своего урядника²⁵.

Болезни, воровство, колдовство

Успешная юридическая борьба с противниками не избавила Курбских от хлопот из-за документов, украденных хлопцем М. Кгинейко 8 июля 1575 г., когда князь ехал из Литвы в Ковель: исчезли «мамрамы под печатми нашими и с подписанем влосных рук наших» и драгоценности (I, 52). Курбский записал жалобу во Владимирском уряде, уже подозревая, что беглец отправился в Литву и совершил преступление по чьему-то наговору (I, 53).

Через полгода разболелась княгиня, и к тому времени версия кражи уже окончательно оформилась. В своем завещании она указывает, что ее служебник Матвей украл бланки с ее печатями и подписями и увез их ее сыну Яну (I, 74). Под этим предлогом она перечисляет свои владения, подаренные мужу, и поясняет, что «естли бы которые записы листы в неведомости моем на имеемое на тых мамрамах справленые показатисе мели у кого колвек, на што тогды тые листы записы учиненые у каждого права некоторое моцы не мают» (I, 75–76). Все документы на завещанные имения также оказались в руках мужа, в том числе привилегии на имение Болтенки, записанное Андрею Монтолту. Сыновьям княгиня завещала часть движимости и отчину Жирмоны (I, 76–77)²⁶. Перспектива унаследовать земли Гольшанских не исчезла бы для Курбского и в случае выздоровления жены, поскольку все документы, включая завещание, оставались у него в канцелярии. Княгиня, впрочем, могла аннулировать «тестамент» и потребовать возвращения документов в судебном порядке.

После ее выздоровления (и уже в каком-то смысле вследствие его) открылась череда взаимных обвинений Курбского и его пасынков. Причины скрыты, и все предполо-

²² В реестре удержанных Курбским вещей (во время развода) М. Ю. Гольшанская перечисляет также своих золотошвей: жену Бартоломея Барана Касюту с дочерьми Щасной и Ульяной, Огреницу и Анну Литовку с дочерью (I, 162–163).

²³ ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 7. — Л. 75–76, 95.

²⁴ Там же. — Д. 5. — Л. 400.

²⁵ Auerbach I. Op. cit. — S. 327–328.

²⁶ Sapiehowie. — S. 122, 126.

жения строятся на последующих событиях, когда дело разбухало уже за счет сознательного поиска (или фабрикации) улики обеими сторонами, в том числе и ретроспективных. Поэтому наметим только возможные версии:

— Курбский потерял уважение супруги, заставив ее подписать поспешное и несправедливое завещание (кстати, сама болезнь княгини могла быть вызвана нервной обстановкой противостояния или побоями мужа, на которые ссылались ее дети позднее). Вариацией той же версии, возводящей исток конфликта к завещанию, является утверждение, что разжигателями стали обойденные стороной в вопросах наследования Монтолты. Около 1576 г. Андрей Михайлович был уже недоволен пасынками. Они вели себя независимо или с самого начала не были приняты в новой семье своей матери. Приходится привлечь ретроспекцию, чтобы предположить, что она и в первые годы нового замужества была сильно привязана к детям, и вряд ли им нужно было разжигать в ней недовольство мужем при тех его заявлениях в адрес пасынков, которые начались в судебном порядке со времени завещания его жены. Но в данном случае перед нами возникает опасность, с легкой руки Марка Блока названная «химерой истоков».

Эмоциональный мир магнатов Великокого Княжества Литовского закрыт для однонаправленной причинно-следственной логики. Один из намеков на существование «семейного треугольника» — глосса в составленном около 1572 г. в кружке А. М. Курбского сборнике комментированных святоотеческих слов и поучений «Новый Маргарит». Здесь к слову «всыновление» обнаруживается пространный «Сказ» (толкование): «Всыновлением албо наследие часто глаголется во священном писанию того ради, иже обычай был древним мужем, кои были бесплодны, албо мели сыны непокорывы и развращенны таковых отрицатися и от себе отгонили, а в место их чуждых сынов приймавали, кои обычаими покорными и благородными были оукрашенны, тех всиновителми и наследниками отчинам и всем стежаниям своим учиняюще. Зри и то х тому, читай: сиче и Бог оучинил, егда видел жидовский род непокорением и безверием конечно дышущ, отринул и отсекал их, и в

место их верных языков всыновлением и наследием небесных сокровищ богатствы даровал»²⁷. Комментарий состоит из двух частей, границей между которыми служит период «зри и то х тому». «Значащих» глоссы, находящих соответствия в авторских сочинениях князя Андрея Курбского, большинство (если не считать лингвистических), и эта — не исключение. Курбский знал, *от* ее составителя или *как* ее составитель, что в наследовании существует законный и допустимый для христианина способ преодоления бесплодия брака и строптивости детей — усыновление. Бесплодие его не устраивало. Он имел детей в Московии, у Гольшанской также было трое детей от обоих ее браков до Курбского. У князя вряд ли существовали трудности с фертильностью, о чем говорит рождение у него двоих детей в третьем браке (через 10 и 12 лет после вступления в предыдущий брак). У княгини такие трудности не исключены, о чем можно судить по конфликту лета 1578 г. вокруг мешочка с приворотным зельем. Кроме того, для нее «наследие» не было проблемой. Даже если отсутствие у Курбского собственных наследников от М. Ю. Гольшанской не было основным мотивом ссоры с женой, можно предположить, что проблема «чадородия» в их семье существовала. Особенно занимал составителя глоссы пример иудеев, непокорных и неверующих. Их ждала божественная кара, как и им подобных в другой маленькой и провинциальной истории. Я. А. и А. А. Монтолты уже в середине 1570-х гг. были для князя не наследниками, а претендентами на его владения и быстро попали в категорию *непокорных и развращенных*. Комментарий предлагает рекомендацию в обращении с такими детьми: отречься, отогнать, отринуть, отсесть их от себя. Курбский методично лишил пасынков прав на недвижимость. То есть он рассчитывал кем-нибудь их заменить. Символично, что скандал начался с кражи документов, бланков и драгоценностей. Это было воспринято князем как объявление ему войны, а в дальнейшем борьба за делопроизводственные акты и чистые листы с подписью и печатью станет также и способом ее ведения.

— Имеем еще один сценарий, выстраивающийся не столько из объектов, сколько

²⁷ Kurbskij A. M. *Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. — Giessen, 1978. — Bd. 1. — Lfg. 4. — Bl. 116v/21. — Anm. b.*

из движения объективации. Конфликт подается описанию как история разрастающегося в семье Курбских имущественного кризиса. У князя было обостренное недовольство соседями, а на имущественной почве едва ли не паранойя. В предисловии к «Новому Маргариту» он признавался: «ненавысные и лукавые соседи прекаждаху ми дело сие [т. е. мешали заниматься литературными переводами — К. Е.] лакомством [глосса: миролюбием або сребролюбием] и завистию движими, хотяще ми выдрати данное ми имене з ласки королевские на препитание, не толко то отяти и пожрети хотяще, многие ради зависти, но и крови моеи насытитися жалающе»²⁸. Судебные тяжбы были только малой частью тревог А. М. Курбского. К середине 1570-х, когда, самое позднее, возник этот текст, он вел вокруг своих имений несколько многолетних войн и неоднократно в судебном порядке выслушивал угрозы физической расправы. О конфликтах своей жены он ни словом не упомянул: либо не считал их опасными, либо не считал саму жену достойной упоминания. Постоянное чувство угрозы, загнанность и замкнутость в своих имениях — все это подогревало назревающий разрыв в семье. К концу 1576 г. возобновляется судебная тяжба с Олизаром Кирдеем Мыльским о Дубровице. Шляхта Пинского повета была на стороне Мыльского, а не «при князю Курпскому при москвитине»²⁹. Курбских спасает от потери родового имения только королевский мандат, согласно которому дело было пересмотрено в их пользу. Обвинения продолжились в августе 1577 г. К июню того же года возобновились претензии Ярофея Гостского и его жены Ганны Тихновны Козинской (золовки Гольшанской по второму браку) на Осмиговичи, с новой силой разгорелась война с кн. А. И. Вишневецким за Остров Жичин³⁰. Пошатнувшееся имущественное положение князя могло подтолкнуть его к принуждению жены записать на него все имения на случай ее смерти (не была ли болезнь княгини в таком случае только судебным приемом?). Но те же неприятности могли повлиять и на княгиню и склонить ее к плану

отстранения мужа от управления имениями, ранее переданными ему в качестве «свободного дара». Имущественный аргумент она использовала в первом и втором разводных процессах, а во время возобновления конфликта в 1581–1582 гг. выступила с требованием рассматривать ее бывшего мужа как бесправного чужеземца. Обе темы (собственность и статус) могли развиваться и параллельно еще до болезни Марии Юрьевны, особенно в опасные для статуса Курбского годы *interregnum*, от которых сохранились только упоминания подозрений князя на счет чьих-то происков в его окружении.

— Причина разрыва могла находиться не в плоскости имущественных споров, если рассматривать позднейшие обвинения со стороны Курбского своей жены в чародействе (1578 г.) и в измене (1581 г.). Но странно в таком случае, что князь до королевского распоряжения не спешил выступить с такими претензиями на суде и добиться развода по вине жены, который дал бы ему право на все ее владения³¹. Объяснения и в таком случае могут быть найдены в слабой действительности канонических аргументов в волынской судебной практике³², в которой четко различались оскорбление и бесчестье. Последнее требовало специального процесса, который мог закончиться лишением жизни виновного, но на его проведение Курбский даже в случае своей правоты мог не решиться. В любом случае, мнимая причастность жены к колдовству не так заметна среди судебных приемов князя в 1578 г.

— Версией «неимущественной» причины скандала можно представить жестокость, женоненавистничество или даже садизм Курбского, каковые обычно объяснялись исследователями как некий «московский» остаток его поведения в отношениях с женой, подданными и слугами. Однако трудно отличить предполагаемый «остаток» от судебных «производных»: мы наверняка не узнаем из выступлений его противников и из признаний заинтересованных лиц, бил ли он жену, мучил ли слуг и подданных, распорядился ли изнасиловать служанку и подругу жены (сама она от этого

²⁸ Kurbskij A. M. *Novyj Margarit*. — Giessen, 1976. — Bd. 1. — Lfg. 1. — Bl. 6v/16–23.

²⁹ Auerbach I. *Op. cit.* — S. 226.

³⁰ *Ibid.* — S. 358–359.

³¹ Загоровский А. И. О разводе по русскому праву. — Харьков, 1884. — С. 228.

³² Bardach J. *Op. cit.* — S. 298–307.

факта отказалась, правда, также вступая в сделку с урядником Курбского под страхом смерти).

В вопросе об отношении Андрея Курбского к женщинам и к своим женам более значимыми оказались бы «косвенные» упоминания³³. Они обнаруживаются, например, в данных о расставании князя с первой женой в Юрьеве в 1564 г. Он, по существующему мнению, проявил «равнодушие», бросив ее беременной на произвол судьбы³⁴. В предисловии к «Новому Маргариту» Курбский вспоминает потерю семьи в России с исповедальной горечью³⁵. Сочинения князя, на уровне осознанной речи, также характеризуют его скорее как почитателя добродетельных женщин³⁶ и ненавистника насилия в обращении с женщинами и детьми³⁷.

Особенный интерес для изучения психологии А. М. Курбского представляют «проговорки» и эмфазы, относящиеся к недобродетельным женщинам³⁸. Повествовательный слушатель его «Истории» — маловерный и ленивый западнорусский воин, которому трижды достается от автора за изнеженность, трусость и женолюбие: «но слухаи прилежне, раздроченный войне [глосса: роспещонный желнерю]», «[знатные и князья] так боязливы и раздроченны от жен своих», «раздроченны различными наслажденми [глосса: роскошми]»³⁹. Женщины, по Курбскому, — объект и источник мужской слабости, плотского удовольствия и греха⁴⁰. Судя по его «Истории», наибольшее отторжение в нем вызывали жены московских правителей. Трактат начинается⁴¹ с законо-

³³ И. Ауэрбах отмечает, что темы «вражды» между мужем и женой, «развода» трижды обсуждаются в переводе «Нового Маргарита», выполненном в канцелярии князя при его участии, но рассуждения о том, что Курбский ждал от своей второй жены соответствия идеалам «Домостроя» или сажал ее в «терем», справедливо характеризует как «домыслы» (Auerbach I. Op. cit. — S. 228–231).

³⁴ [Keenan E. L., Waugh D. C.]. The Kurbskii — Groznyj Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV / By E. L. Keenan. With an appendix by D. C. Waugh. — Cambridge, 1971. — P. 200. — N. 46; ср.: Скрынников П. Г. Царство террора. — СПб., 1992. — С. 185.

³⁵ Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Giessen, 1976. — Bd. 1. — Lfg. 1. — Bl. 3v. В том же «Новом Маргарите» второй брак (актуальность для Курбского на момент завершения переводческой работы над сборником) представлен как блудное деяние: «Вторый брак не есть закон, но так попущение», «тем обычаем и апостоли попустили второбрачие, ради невоздержания человеческого» (Ibid. — Giessen, 1985. — Bd. 2. — Lfg. 8. — Bl. 255v/4 ff. — Anm. a).

³⁶ Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J. L. I. Fennell. — Cambridge, 1965. — P. 4, 168, 192, 206, 230.

³⁷ Ibid. — P. 4, 192, 206, 212, 218, 222, 230, 290. В предисловии к «Новому Маргариту» князь сразу отмечает страшное отличие новых гонений на христиан (при царе Иване) от «бесчеловечия ярости» древних мучителей и «христорбных» иудеев: в далеком прошлом «женский род пощажан был, яко о Богородице при кресте и о мироносицах повествовано», — московский же правитель не только мужчин, «но и жен благообразных и пресветлых в родех погубил различными муками, и младенцов в первом возрасте и в мяхом телеси, и сущих от сещцов матерных не пощадил» (Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Bd. 1. — Lfg. 1. — Bl. 1–1v). Текстуально сходный отрывок имеется в мартирии И. П. Челяднина-Федорова в «Истории» (Prince A. M. Kurbsky's History... — P. 206; точнее передан в неопубликованных списках — см.: ОР РГБ. — Тихонравов-639. — Л. 529), а его вариации встречаются в других местах трактата: это «плачевный», «жалостный» сюжет, вызывающий в авторе и склонный вызвать в читателе сильную эмоциональную реакцию.

³⁸ Здесь не останавливаемся на гендерном подтексте истины для Курбского. Отметим лишь, что для него знание «достоверных» и «ученых» мужей противостоит «неистовых баб» «басням» или «фабулам», «глупству, неистовству, женовидному разуму». Однако ложь воплощается не только в таком виде, но еще, например, в ученых суждениях иезуитов и еретиков. С другой стороны, Курбского раздражают проявления женоподобия в мужчинах, и он с возмущением говорит о «блудотворениях и нечистотах» «пред Афродитовым болваном», совершаемых при дворе московского правителя. Было бы все же рискованно вслед за С. Н. Богатыревым видеть в излюбленном эвфемизме князя «ласкатель», применяемом к злым советникам царя, намек на «бисексуальные наклонности» Грозного (ср.: Богатырев С. Н. Поведение Ивана Грозного и моральные нормы русского общества XVI в. // Studia Slavica Finlandensia. — Helsinki, 1994. — Т. XI. — S. 4–7, 15. — Прим. 12).

³⁹ Prince A. M. Kurbsky's History... — P. 42, 130, 280, 298. Д. Л. И. Феннелл производит «раздроченный» от польского «drgęzycь» и переводит «wearied, exhausted». Но в архетипе «Истории» были приведенные глоссы, и уже в первой дается западнорусское толкование, не обратившее внимание издателя: «роспещонный» близко к причастию от польского «pieścić», следовательно, толкуемое слово происходит из русского со значением «изнеженный, заласканный» (ср. ранние списки «Истории»: ОР ГИМ. — Собр. А. С. Уварова. — № 301. — Л. 16 об., 57 об., 126; ОР РГБ. — Собр. Н. С. Тихонравова. — № 639. — Л. 476 об.–477, 507, 547 об.), что дополняется толкованием к идентичной конструкции «разпещенным [глосса: раздроченным, албо zelo слабым] еси воином» в «Новом Маргарите» (Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Giessen, 1987. — Bd. 2. — Lfg. 10. — Bl. 302/19–21. — Anm. b; Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). — М., 1998. — С. 163).

⁴⁰ См. также: Bogucka M. Women and Religion in the Early Modern Period // Acta Poloniae Historica. — 1998. — LXXXVII. — P. 17.

⁴¹ И это начало не является случайным зачином. Курбский тут же объясняет свое отношение к случившемуся поговоркой «доброму началу и конец бывает добр, такожде и сопотив, злое злым скончавается» (Prince A. M. Kurbsky's History... — P. 2). Начало повествования тождественно истоку «трагедии».

преступного развода Великого князя Василия III с первой женой Соломонией Сабуровой и греховного брака с Еленой Глинской⁴². Автор возвращается к этому сюжету и усиливает интонации в повести о гибели князей М. И. Воротынского и Н. Р. Одоевского: «Бо отец его [царя Ивана. — *К. Е.*] Василий со оною предреченною законопреступною женою, юною сущею, сам стар будучи, искал чаровников презлых отовсюду, да помогут ему ко плодотворению, не хотяще бо властеля быти брата Юрья зело мужественнаго и добронравнаго, яко и повелел, заповедающе жене своей и окаянным советником своим, скоро по смерти своей убити его; яко и убиен есть»⁴³. Курбский заканчивает отрывок о рождении человекообразных чудовищ от колдовской связи пространным нравоучением о вреде «презлых чаровников и баб смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующих, общующе со дьяволом и призывающе его на помощь»⁴⁴. Тема чародейства явно тревожила князя, и он даже вступил в спор с легкомысленными собеседниками, которые «за мало сие себе важат и смеюшесь глаголют: «Мал сей грех и удобне покаанием исправится»»⁴⁵. Данный сюжет приобрел еще одну грань, когда в житии Феодорита Кольского Курбский заявил, что и сам Василий III «от чародейцы Греческия [от Софьи Палеолог. — *К. Е.*] рожден»⁴⁶.

Зафиксировав следы «боязни» властной женщины-колдуньи, мы останавливаемся, не в силах ответить на вопрос, куда они ведут: к московской придворной борьбе, религиозным убеждениям Андрея Михайловича, скрытым реакциям на бытовые представления его польско-литовских современников? А если даже они вплетены в историю его развода, то как — как побуждение за мешочком с землей и волосами, найденными в сундуке жены в 1577 г., увидеть угрозу, или как реакция на сведения (полученные позже) о том, что помимо простого колдовства «для любви» готовилась попытка его отравления? А если все сведения о «мешочке» — фабрикация?

В документах Курбских 1577–1582 гг. также присутствуют эмфазы, но нелегко разгадать их смысл. Князь к 1577 г. закрыл Ковель для родственников жены. Наиболее вероятно, что он заболел весной или в начале лета этого года. Через год княгиня Мария пожалуется во время разводной процедуры, что он держал ее взаперти с Троицына дня 1577 г.

Андрей Монтолт первым пожаловался на то, что «якобы матку его милости, а малжонку свою княгиню Марю Юревьну Гольшаньскую его милость князь Аньдреи Курьпский не ведлуг пристойности збил, змордовал и до везеня осадил, и с которого збитья и зьмордованья якобы вже и в животе ее не было» (I, 80–82). Для разбора этого дела 9 августа в Миляновичи к князю были направлены возные Григорий Вербский (из Луцка) и Тихно Оранский (из Владимира). По сообщению Вербского, только он был пропущен во двор, причем приглашение ему направила якобы княгиня. Придя к ее милости, — рассказывает Вербский, — «нашол есми его милость князя Курьпского форого» (I, 81). Рядом с ним «на лаве» сидела Мария. Сначала заговорил князь, делая вид, что он не понимает цели приезда поверенных (ему об этом было доложено со слов возных). В ответ на упоминание об Андрее Монтолте княгиня промолчала, а Курбский заявил: «гledi, иж малжонька моя седить добра здорова, а дети, деи, ее то на мене змышляють» (I, 82). Попросив жену что-нибудь сказать, Курбский получил невнятный ответ — мол, что и говорить, «возьными видить, што я сежу»⁴⁷ — и обвинил ее детей, что уже давно «они матку свою морят, а вона, деи, еще жива и мене, деи, еще погреть». Княгиня не преминула ответить: «што, деи, ведати, або, деи, ваша милость мене рачиш погрести, бо, деи, и я на здорови плохо ся маю» (I, 82). Первым к деликатной теме обратился князь. Мысль о том, что он скоро умрет, высказанная в присутствии судебных поверенных, приоткрывает предмет разногласий в семье.

42 Ibid. — P. 2–8.

43 Ibid. — P. 200.

44 Ibid. — P. 202.

45 Ibid.

46 Ibid. — P. 256.

47 Допустимым представляется вызывающий подтекст этой реплики: княгиня отказывается говорить, подспудно указывая на неестественность сцены, наигранность заготовки.

Курбский лишился права на наследство жены после ее выздоровления или понял, что ее завещание слишком радикально решало имущественный вопрос в его пользу. Оно было рассчитано на однозначный и быстрый исход болезни. Не вступив в действие, завещание начало бы работать против него самого: это был публичный документ, он заносился в судебные книги и мог стать достоянием родственников жены. Ситуация еще более осложнялась, если завещание было инспирировано им самим. Когда выяснилось, что Мария жива и появилось подозрение, что он ее прячет или оскорбляет, Курбский, дабы избежать осложнений, должен был устранить хотя бы наиболее явное последствие авантюры и вернуть жене владельческие документы. Он этого не сделал и обострил зародившиеся подозрения. С другой стороны, нет никаких данных, свидетельствующих о том, что согласие относительно места хранения владельческих документов княгини нарушалось до конфликта. Поэтому заинтересованность Гольшанской в получении «мамрамов» не могла не вызвать подозрений относительно ее дальнейших намерений.

В тот же день, 25 августа 1577 г., когда Вербский свидетельствовал о поездке в Милановичи перед подстаростой луцким, Курбский пожаловался в уряд, что «тых часов недавних» его жена, «будучи в Дубровици и там взявши скрыню з скарбу их милости, в которой, деи, скрыни были привилья и все sprawy его милости потребные», отдала некоторые «потребънеишие» «сыном своим» (I, 83). Украдены были отдельные записи, договоры о поручительстве, выписи из урядовых книг и многие другие акты, касающиеся Дубровицких имений, а вместе с ними бланки с подписью и печатью Курбского. Как выясняется по результатам допроса княгини о документах владимирским возным 10 января 1578 г., князь попытался сначала самостоятельно узнать о месте их хранения, и получил ответ: «чого, деи, его милость княз мене болшеи пытае, вже, деи, я его милости поведила, гдем тые sprawy подела и кому есми их в заховане дала» (I, 93–95).

Результат был все тот же. Гольшанская созналась, что отдала документы поверенному прокуратору Ф. Достоевскому, который дал обязательство вернуть их только ей в руки⁴⁸. Курбский своим обращением в суд бросил вызов своей жене и тем самым иначе, чем на приеме 9 августа, определил расстановку сил в конфликте. Он публично обвинил ее в воровстве, несмотря на то, что она находилась в его распоряжении и принятым способом регулировать подобные конфликты на Волыни был приятельский суд. Это еще один признак того, что она нарушила его планы.

Слуга князя Иосиф Словенский в тот же августовский день заявил, что А. Монтолт «умыслне проежджається поблизу именеи его милости з слугами и з многими помочниками своими, переимаючи и стерегучи, деи, его милости князя по дорогам заежджаючи, хотечи, деи, его милости о здорове приправити» (I, 84). Обращение в суд только на основании подозрений в адрес человека, не предпринявшего никаких явных действий и заявлений, нужно рассматривать как превентивный удар. 18 сентября Курбский обвинил А. Монтолта во вторжении на его земли, состоявшееся якобы 12-го сентября: «нижели, деи, ему Бог не помог надо мною и над слугами моими таким злым фортеlem умыслу его попольнити» (I, 85). Нельзя сказать наверняка, было ли какое-нибудь нападение совершено пасынком или оно целиком выдуманно: из причиненных убытков ковельский войт показал следственной группе 8 мест, где сгорели бочечные доски, а двое крестьян — «кровавую рану» и «синий знак»; эти же крестьяне оказались «уведенными» и брошенными «замертвыми» в лесу (I, 85–86). Других доказательств вины Монтолта ни тогда, ни позднее в уряд предъявлено не было.

Осенью и зимой 1577–1578 гг., выздоровев, Курбский принялся за литературную деятельность: начал составлять ответ на Второе послание Ивана Грозного, выступил против арианина Мотовило в «цедуле» кн. К. К. Острожскому, продолжил работу над богословским переводным сводом⁴⁹. По

⁴⁸ Во время расследования по делу Раины Куковны в июне 1578 г. обвиняемая призналась, что до мая 1578 г. княгиня отослала некоторые документы в Дубровицу своему сыну Яну через писаря Ждана Мироновича. Гольшанская продолжала поиск остальных документов, боясь, что Курбский начнет распоряжаться ее владениями без ее согласия. Привилегии и жалованные грамоты на Дубровицу и Ковель хранились в Милановичах и были для нее недостижимы (I, 83–84, 97, 111, 126).

⁴⁹ Калугин В. В. Указ. соч. — С. 37, 67, 76.

всей видимости, какое-то время он находился в Миляновичах и не посягал на владения своей жены, оставив ее не столько в заключении, сколько в незамкнутой осаде. К тому же времени (конец 1577 — начало 1578 г.) относятся сделки со Збаражским и Мыльским, якобы заключенные Курбскими совместно. Княгиня позднее не признала законность договоров этого периода, но трудно сказать, не были ли ее протесты частью юридической игры, наподобие той, которую она провела затем, не признав постановлений приятельского суда о разводе. Вместе с тем, официальное обращение Курбского к ней через судебного поверенного с вопросом о местонахождении документов в январе 1578 г. свидетельствует о недовольстве князя и о напряженных отношениях в семье.

Документы были необходимы князю, особенно в его переговорах с О. К. Мыльским и Г. Ю. Гольшанской. Курбские оттягивали переговоры — сначала вследствие своих болезней, затем — в связи со «хоробою обложною» их служебника, поверенного Миколая Богушевского⁵⁰. Пинский суд, несмотря на уважительность причины неявки, вынес решение о наложении штрафа на Курбских. Тогда те подали жалобу на сам суд и вызвали его представителей «перед его милость пана Лаврина Воину, подскарбего земского Великого Князства Литовского, писара государьского, старосту Пинского»⁵¹. Л. Воина отказался пересматривать дело, и Курбские вызвали его и своих дубровицких противников на сейм в Варшаву. Князь Андрей Михайлович приехал на королевский суд один с «листом умоцованным» своей жены (от 6 января 1578 г., Ковель), которая в письме отговаривалась от поездки «за неспособным здоровьем» и наделяла мужа правами договориться с маршалком и его женой о всех спорных вопросах⁵². 18 февраля 1578 г. стороны обменялись примирительными актами, в которых обязались поделить спорные земли к взаимной выгоде, а противоречия разрешить окончательно 9 мая того же года при содействии четырех третейских судей (по 2 с каждой стороны)⁵³.

Таким образом, Андрей Курбский решал жизненно важные имущественные вопросы своей жены в ее отсутствие, что дало ей повод сразу после приятельского развода, уже 2 августа 1578 г., заявить о незаконности всех этих переговоров. Но и через три недели после соглашения Курбского с Мыльским обнаружилось недовольство. Я. А. Монтолт 13 марта позвал Курбского на королевский суд «о посаженье через него до везенья матки его Марьи Юрьевны кнежны Гольшанское, а малжонки своее, и о непристойное и незгодливое мешканье его с тою помененою малжонкою своею, а матки его; также теж о побранье всих имений, скарбов и маетности ее и о квалтовное выгисненье на ней мамрамов околко десять с печатью и с подписом руки ее»⁵⁴. В свете соглашения между ее мужем и семьей ее прочитываются попытки Курбского добыть у жены документы на Дубровицу через судебного поверенного, а также история с майским ограблением в Ковеле.

Отъезд князя в Дубровицу 3 мая 1578 г. вызвал немедленную ожесточенную реакцию со стороны княгини Марии, поскольку князь отправился на закрепление предварительных февральских соглашений по Дубровице, где решался вопрос о территориальном составе фамильного имени Марии Гольшанской. В августе она жаловалась, что бывший муж написал от ее имени доверенность на свое имя и без ее ведома и позволения уехал в ее имение, записанное Я. А. Монтолту (I, 126–129). Возмущение самим фактом самовольного отъезда мужа в ее владение позволяет предположить, что последовавшее той же ночью ограбление в Ковеле, вина за которое была возложена на ее слуг, могло быть проведено сразу по получении от кого-то из окружения Курбского соответствующей информации.

Согласно акту следственного дела от 9 июня, возный Ждан Чирский провел 2 опроса в Ковельском замке о краже, совершенной в ту ночь с 3 на 4 мая. Староста

⁵⁰ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 272. — Л. 55–55 об.

⁵¹ Там же. — Л. 55 об.

⁵² Там же. — Л. 55 об. — 56 об.

⁵³ Там же. — Л. 45–50, 50–55. Договоренность занесена в канцелярские книги 25 февраля 1578 г. Третейскими со стороны Курбских должны были выступить М. Гарабурда и кн. А. Полубенский, а со стороны Мыльского и его жены — Михаил Мышка Варковский и С. В. Лозка. Во время переговоров 18 февраля свидетелями были Я. Я. Глебович, М. Гарабурда, Ф. Кмита и кн. А. Полубенский.

⁵⁴ Устрялов Н. Г. Сказания Князя Курбского. Изд. 2-е. — СПб., 1842. — С. 453. — № 10.

Курбского Кирилл Зубцовский сообщил, что в ту ночь из сундуков в кладовой служанка Раинка и ее брат Матвей (урядник Зубцовского и другого свидетеля Кирилла Невзорова) похитили драгоценности. «Бесспорной» единственной уликой (не считая того, что похититель скрылся за несколько дней до происшествия) был след месячной давности, измерив который, эксперты пришли к выводу, что он как раз приходится к «чревицам» служанки Гольшанской Раины Куковны (I, 96). В тот же день, 5 июня обвиняемая созналась, что она и ее брат были подговорены госпожой.

План княгини выглядел якобы следующим образом. Она открыла дверь преступнику, притворившись перед охраной идущей в монастырь, и затем наблюдала за происходящим в надежде найти все документы: «Побравши тую справу, весполк з нами княгини ее милость хотела з замку утекати», заранее подготовив к операции сына Андрея Монтолта с помощью писем, передаваемых с вербским игуменом и странствующими калеками. Монтолт должен был подъехать к замку и выкрасть или отбить ее у стражи (I, 97–98). Вместе с тем, княгиня якобы готовила покушение на мужа, намереваясь его отравить. Впрочем, служанка свидетельствует только о ее намерениях, замечая, что мешочек с «чарами», найденный в 1577 г. в сундуке госпожи, был предназначен для интимных целей. То, что Раина была «примушена» давать такие показания, доказывала позднее ее госпожа, обвинившая мужа в фабрикации: он ее девку «безвинъне мучити дал, а потом, деи, ее до везеня всадити казал» (I, 135–136). Открытый суд над служанкой, состоявшийся по требованию Яна Монтолта 7 января 1579 г., выявляет ряд расхождений в декрете Курбского и ее показаниях о событиях ограбления. Невзоров и Зубцовский, согласно декрету, пожаловались господину о случившемся в присутствии возного Хацка Чувата Туличевского и шляхты только 27 июня 1578 г., то есть через 3 недели после предполагаемого доноса Раины. Далее говорится, что в ночь на 4 мая 1578 г. была произведена покража «ни от кого иншого, одно от тое девки Раины» (I, 103–104). Декрет передает показания Невзорова и Зубцовского таким образом, как если бы виноваты в покраже были Матвей и Раина, хотя в показаниях служанки говорилось, что приказ был отдан только Матвею. Смертный

приговор навис над Раиной уже в июне 1578 г., а в январе следующего года Зубцовский предложил привести его в действие. Несмотря на все угрозы, она, тем не менее, не раскаялась и заявила о вещах, якобы исчезнувших полгода назад: «Я тых речей не крала, ани их ворочала» (I, 105). Луцкий подстароста Василий Павлович и судья Лазарь Иваницкий упростили Зубцовского простить девке под условием, что она отслужит ему в течение года «за тые вси шкоды» (I, 106). Дело Раины Куковны вызывает ряд вопросов, от решения которых зависят стратегии осмысления развития скандала.

— Бегство Матвея (брата Раины и ковельского урядника) является единственным фактом, который признают все участники дела: сторона Курбского, обвиняемая и сторона Гольшанской. Случилось оно, по всей видимости, еще до отъезда Курбского. Однако жалоба по этому поводу не подавалась в течение месяца после предполагаемого ограбления и была присоединена к показаниям Раины, когда возникли улики против нее самой. Общий штат слуг в семье Курбских сослужил злую службу князю Андрею. Кроме Матвея, от него ушли в тот год писарь Ждан Миронович, Михаил Рагоза, москвич Семен Маркович Вишняков. Они перешли на сторону противников Курбского с ценными сведениями и бумагами.

— Если Гольшанская действительно воспользовалась незаконным отъездом мужа в ее имение для ограбления, возникает вопрос — откуда она получила информацию о хранившихся в кладовой необходимых ей документах? Найти их там княгине не удалось, судя по продолжению дела о документах в августе-октябре 1578 г. Значит, ее обманули или же она действовала наугад? Даже если частному преступлению месяц спустя приписали связь с планами княгини, сами планы вполне вероятны. Ее жалобы содержат упоминание важных документов: 10 открытых бланков, которые князь заставил ее «бъючи кием» ему отдать; документы с печатями шляхтичей (в том числе на Дубровицу), на выдачу которых княгиня Мария дала согласие под принуждением (I, 125–128); сундук с привилегиями и домашними расписками, расписка кн. К. К. Острожского в получении 300 коп гр., его же зашитый лист с просьбой о 300 коп гр. у второго мужа княгини М. Т. Козинского; акты процесса о Дубровицком имении; «кви-

ты» Ицка Степанского на золу княгини (I, 131–132, 151–158). То, что для возвращения этих документов Гольшанская пошла на неоправданный риск, пользуясь отъездом мужа, сомнительно, поскольку ее слуга Яцко сообщал ей, что документы у князя хранятся в другом месте. Но весьма вероятно, что похожие попытки проникнуть в канцелярию мужа с помощью слуг княгиней предпринимались, хотя дело мая — июня 1578 г. имеет все признаки фабрикации.

— Нельзя исключать и тот вариант, что Матвей не возвращался для ограбления, а ограбил и сразу после этого скрылся. К концу июня некоторые украденные вещи были возвращены, возможно, при содействии Монтолтов. Раина оказалась подставной фигурой, которой воспользовался Курбский (или старосты, скрывающие истинные причины обычного ограбления). Но в ответ на интригу мужа Гольшанская придумала свою и объявила об изнасиловании ее служанки в его тюрьме. Во время январского суда 1579 г. Раина отреклась от своих показаний как против Гольшанской («вызывала с подмывы людское и з гневу своего»), так и против Курбского («яко мене не бито, не мучено, ани кгвалтовано»).

— Майские и июньские события 1578 г. могут свидетельствовать о неподдельной тревоге княгини. Курбский попытался применить «запрещенный прием» в семейной ссоре: он воспользовался документами именно так, как в худших своих предположениях того ожидала его жена. 4 октября 1577 г. он передает Осмиговичи кн. Ю. А. Збаражскому (I, 89–91), объясняя свою неожиданную щедрость тем, что имение — «властност а отчизна власная» жены князя Юрия Варвары Михайловны Козинской (дочери Гольшанской от второго брака)⁵⁵. Выезд в Дубровицу был продолжением распорядительной политики Курбского прошлого года. К 9 июня князь вступил в соглашение с О. К. Мыльским по Дубровице⁵⁶. Надо полагать, именно этому соглашению княгиня намеревалась воспрепятствовать. Побег управляющего Ду-

бровицей М. Рагозы от Курбского, передача Рагозой документов через Ждана Мироновича Яну Монтолту и заявление Раины об отправлении Гольшанской Я. Монтолту через писаря Ждана документов тесно переплетены между собой и не могут быть не связаны с поездкой князя в Дубровицу и его переговорами с Мыльскими.

— Борьба между Курбским и Гольшанской, представленная противниками князя как череда насильственных выступлений с его стороны, подавления интересов княгини или ее детей, не поддается описанию со стороны «обороняющихся». Только отрывочные известия позволяют судить, что обе стороны к середине 1578 г. оборонялись друг от друга. Курбский скрывал документы, тогда как его жена подговаривала своих и его слуг к неповиновению. Все-таки об этой деятельности известно достаточно, чтобы судить о том, что она сама принимала активное участие в борьбе на стороне своих детей, а не была лишь пассивной исполнительницей их воли. 13 августа, уже после развода, пойманный слуга Курбского С. М. Вишняков давал показания перед Жданом Чирским, королевским писарем Михаилом Гарабурдой и земским писарем Андреем Халецким. Он сообщил, что когда⁵⁷ был посажен в ковельскую тюрьму «за пьянство и за шаленство», Гольшанская приносила ему водку: «мне поивала и намавяла неоднократно, иж бым я от вашей милости пана своего проч втек и до сына ее пана Яна Монтовта пристал» (I, 140). Если это навет в ряду прочих, фабрикация на руку князя, то можно предположить, что Курбский стремился сформировать представление о своей бывшей жене как об активной участнице разрыва, а не безучастной пленнице. И в этот момент уже трудно представить, что он сожалел о королевском решении. Если же, что более вероятно, Вишняков говорил «своим голосом», то вражда может быть определена как взаимная, независимо от активности Монтолтов.

⁵⁵ В завещании кн. Ю. А. Збаражского (датировано 30 февраля (sic) 1580 г., в канцелярских книгах записано под 3 мая 1580 г.) Осмиговичи выделены из его «отчизных имений» и не присоединены к «матерыстым имениям» его первой жены воеводянки Витебской Щастны Юрьевны Носиловской. Имение Осмиговичи «и прысельки ку нему належачые» сохранены за Гальшкой, его дочерью от брака с В. М. Козинской, при том оговорено, что завещатель пользуется «певным правом» на имение, купив это право за 1000 коп гр. у кн. А. М. Курбского Ярославского (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 274. — Л. 62–66 об.; Auerbach I. Op. cit. — S. 218).

⁵⁶ Ход переговоров 1577–1578 гг. освещен в актовых источниках: РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 272. — Л. 45–56 об.; Auerbach I. Op. cit. — S. 226.

⁵⁷ Дату он не назвал, но речь идет о времени, непосредственно предшествующем разводу.

— Мелькнувший сюжет с чарами и ядом (из первоначальных показаний Раины, которые потом она, впрочем, полностью опровергла) претендует объяснить методы судебной аргументации или подспудные страхи Курбского, или же, в случае определенной достоверности доноса, какие-то замыслы самой княгини. В мешочке, найденном в сундуке Гольшанской, были песок, волосы и другие чары. Эти вещи ей дала какая-то старуха из Павловичей: «Але деи то не отрута, одно для того, иж бы ее княз миловал, и теперешнего часу велми тое бабы потребуе, иж бы се з нею могъла видити, штобы ей дала такого зеля, штобы ее могъла постарати не о милость, але о што иншого» (I, 98). Характерно, что во время разводного процесса в 1578–1579 гг. «колдовской» аргумент нигде больше не появился. И все же — это код со множеством возможных дешифровок. Гольшанская боялась мужа или была им в широком смысле «нелюбима», потому и стремилась с помощью ворожбы изменить его отношение? Чары нужны были княгине, чтобы улучшить сексуальную жизнь в семье? Курбский боялся служительницы дьявола, «злой жены», женщины-колдуньи, каковых изображал в своей «Истории о Великом князе Московском» как разрушительниц Руси?

Развод с продолжением

В июле Курбский был вызван к королю с Гольшанской во Львов в связи с жалобой Я. А. Монтолта. В его изложении вся история с документами приняла внятный и завершенный вид. Обвинения нетрудно было проверить путем опроса потерпевшей: Курбский «не водлуг стану ее [жену. — *К. Е.*] ховал, бои, мордерства и окрутенства без всякое причины ей чинил не для чого иншого, одно, деи, вытегаючи записы от нее на имения, которые матка им сыном своим первеи записала»⁵⁸. По сообщению сына,

Гольшанская якобы уже приняла «вызволене от князя Курпского з малжонства перед особами певными духовными». Несмотря на это, князь продолжает ее держать у себя, вымучивая из нее имения, а она «не ест, деи, безпечна здорова своего от него, и яко его ведомость доходила, кгда ж их, детеи, до нее не припушал, жебы вжо с того света зыити мела»⁵⁹. Среди духовных особ, принявших участие в одностороннем разводе, мог быть епископ Владимирский и Брестский Феодосий. Но документы об этом, оспоренные позднее самой же Гольшанской, относятся к 30 декабря 1578 г. Король принимает решение о добровольном разводе сторон с помощью приятельского суда. Следуя декрету, стороны договариваются о разводе и заключают сделку.

Первый ее этап — 1 августа — приятельский суд «угодливым обычаем» во Владимире «перед отцем владыкою володимерским», то есть перед епископом Феодосием (I, 121, 137)⁶⁰. Курбский прощает жене часть долга (13800 коп грошей из 15 тыс., которые князь якобы заплатил жене за Дубровицу) и взамен получает право на пользование Дубровицким именем до 1 января 1579 г. В эти же 5 месяцев, но до 19 декабря 1578 г., княгиня пользуется литовскими именьями Шешоли и Крошты, после чего обязуется передать их мужу в пожизненное пользование на условии последующего за смертью Андрея Михайловича их возврата Марии Юрьевне (I, 107–110, 116–117, 123–124). Замок, посад и имение Дубровица были в центре внимания обеих сторон. Курбский во время приятельского суда умалчивает о своих правах на имения и идет на уступку: «которое имене княгиня малжонка моя по животе своем записала вечностью сыну своему старшому пану Яну Монтовту» (I, 111). Завещание княгини 1576 года и другие акты, которыми она ограничивала права своих детей, не обсуждаются.

⁵⁸ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 195. — Л. 30 об. — 31; Д. 272. — Л. 74 об. — 75; Устрялов Н. Г. Указ. соч. — С. 453–454. — № 11; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. — СПб., 1848. — Т. 3. — С. 227 и сл.; Шумаков С. Акты Литовской метрики о князе А. М. Курбском и его потомках // Книговедение. — 1894. — № 7–8. — С. 18.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 67 об. — 68. В 1581 г. Мария Гольшанская не отрицала участие владимирского владыки в приятельском суде и ссылалась только на отсутствие со стороны Курбского оснований для развода. Грамота епископа от 1 августа о разводе Курбских была представлена княгиней королевскому суду. Грамота составлена в присутствии надворного священника Павла Онофреевского, протопопа Никития Введенского и клирошан соборной Пречистинской церкви С. Федоровского, М. Пятницкого, Е. Ивановского, П. Василевского, Ф. Михаловского, Д. Прокопенского, П. Николенского (Там же. — Л. 68 об. — 69).

Второй этап — 2 августа. Княгиня Мария Юрьевна отрицает юридическую силу всех документов, составленных от ее имени с Троицына дня 1577 г., так как муж якобы с применением побоев и тюрьмы («кромя всякое моее вины осадивши мя до везеня кгвалтом бьючи кием» — I, 125) принуждал ее выдавать ему бланки с ее подписью и печатью, которые затем использовал по своему усмотрению, к тому же заставлял ее просить шляхтичей о удостоверении нужных ему актов (I, 125–126). Предметом аффектированного страха княгини вновь является Дубровица. Во время заключения жены Курбский вступил в дружеские переговоры с О. К. Мыльским и Г. Ю. Гольшанской и осуществлял с ними обмен землями, «а некоторые и так даром пустил, а меновите передместе места Дубровицкого, позываемое Новоселки и село Стрелско и иных кгрунтов немало» (I, 126). Все постановления Курбского по семейной недвижимости от января-февраля 1578 г. признаются недействительными и, дабы обезопасить себя на будущее, противники князя Андрея Михайловича объявляют недействительными все его распоряжения с использованием имени М. Ю. Гольшанской от Троицына дня 1577 г. до «того часу, покол Дубровицу будет держати» (I, 127). Во Владимире княгиня показывает возному гродского уряда Ярошу Котельницкому вещи, которые ей выделил бывший муж, «выпускаючи з дому». Короткая реляция пропитана негодованием. Судя по сбивчивости перечисления и оговоркам, Мария Юрьевна перебирала вещи сумбурно и демонстрировала их поверенному с нескрываемым гневом: из двух шкатулок одна старая и в обеих «не видел есми ничего иншого», отчитывается пан Ярош, кроме шелка и бумаги; несколько личных вещей, из которых два ковра «менила, же деи их не от князя маю, але от дочки своее» (I, 122); «зголове скураное одно, *кожушок* белиныи *старыи* один, *пласч ветхыи* оден..., шкатулку третью *ветхую*» (I, 122 — *выд. мной — К. Е.*). Не случайно, что самое жесткое определение бывшего мужа — «окрутник» (изверг, тиран, мучитель) — вырывается у нее в жалобе по поводу движимости (I, 128–134). Эффект от жалобы недвусмысленный: мало

того, что Андрей Курбский собирается лишить ее родового имения, он выбросил жену в старье и ветоши из дома! Контрастное впечатление производит список ее убытков движимого имущества (тут в основном драгоценности, золото и серебро) и слуг, а также заявление о тюремном заключении и изнасиловании по распоряжению Курбского ее служанки Раины. Эксклюзивное отношение княгини Марии к этой девушке заметно еще в завещании, где она просит мужа в случае своей смерти «отослати панну Раину, если бы за кого она сама захотела» (I, 77). После показательного процесса с обнаруженным «следом» и «признанием» служанки княгиня почувствовала в действиях Курбского стремление жестоким обращением с девушкой нанести бесчестье («деспект») ей самой (I, 135). Итак, Курбский не только проявил недостойную жестокость, жажду к наживе, скупость, он вдобавок обесчестил свою жену.

Третий этап — 6 августа. Курбский жалуется, что его кучеру, проводившему княгиню во Владимир, минский воевода (и один из «приятелей» во время развода) Миколай Павлович Сопега помешал вернуться, приказав избить его. Возному, посланному от князя, Сопега наговорил грубостей, среди которых были угрозы убить Курбского и его слуг. На второе обращение князя оскорбитель забрал свои слова назад. Коляску бывшая жена не вернула (I, 136–139).

Четвертый этап — 18 октября. Гольшанская требует вернуть ей часть посага, документы, принадлежащие ей самой и ее дочери Варваре М. Козинской. Разгорается спор о слугах. От Курбского к Гольшанской к тому времени ушли Ждан и Федор Мионовичи, сбежал даже москвитянин Семен Маркович Вешняков. Княгиня настаивает на возвращении своей дворни и служанки Раины.

Пятый этап — декабрь и январь 1578–1579 гг. Курбский идет на всевозможные уступки: покидает Дубровицу, простив долги Яна Монтолта; проводит суд над Раиной и избавляет ее от смертной кары за грабеж⁶¹.

На этом история развода не закончилась. Процесс возобновился к концу 1580 г., когда Курбский был уже полтора года как в третий раз женат на А. П. Семашковне (в 1580 г. у него родилась дочь Маруша). Не

⁶¹ И. Ауэрбах говорит о «великодушии» Курбского (Auerbach I. Op. cit. — S. 243). Но Раина пошла на компромисс, а на стороне Монтолтов оказался король; князь к тому же так и не удовлетворил всех их требований, и споры закончились не ранее середины 1580 г.

позднее начала декабря Мария Гольшанская должна была подать на бывшего мужа жалобу, нарушающую постановление 30 декабря 1578 г., что позволило ему апеллировать к королевскому суду. На 19 января 1581 г. был назначен срок явки сторон в Варшаву по иску княгини и апелляции князя⁶². Процесс вследствие отъезда короля в Великое Княжество Литовское был перенесен⁶³. На королевском суде в Вильно 5 июня 1581 г. состоялась тяжба, во время которой Гольшанская заявила, что развод 1578 г. недействителен. Курбский напомнил о штрафе (заруке) на сумму 17000 коп гр. за возобновление дела о разводе и отказ от добровольной сделки⁶⁴. Но истца это не остановило. Гольшанская излагала дело таким образом: она, будучи вдовой, вышла замуж за князя Андрея Курбского; пока жила с ним в согласии, записала ему много своей собственности; тогда Курбский начал ее «з малжонства опущать, сажаючи ее до везенья и иными немалыми окрутенствы трапечи, с которого деи везенья она не борздо за стараньем сына ее небожчика Яна Монтовьта и других приятелей ее выратована ест»⁶⁵. Претензии в новом мотке судебного разбирательства существенно усилились. Три года назад Мария Гольшанская — униженная женщина, борющаяся за свободу, свои права и собственность. Теперь — обманутая жена, ведь князь Андрей Михайлович «ее, малжонку свою венчальную з малжонства, не давши ей никоторые слушное причины, опустил и от себе отогнал»⁶⁶. Ее вина на приятельском суде в августе 1578 г. установлена не была, и значит, согласно Статуту (разд. V, артикул 18), ей должны быть возвращены ее имущества и движимость. Курбский, отводя вызов, ссылается на неподсудность дел о разводах и разделе имущества королевскому суду и на то, что развод был «слушный и водле права перед владыкою володимирским совершен»⁶⁷. Аргументы ответчика не убеждали: подобных заявлений на королевском суде во Львове в июле 1578 г. он не делал, сторона истца не отвергала факт

участия владыки и настаивала лишь на отсутствии вины жены (это означало бы, что в разводе виновен Курбский со всеми оговоренными в Статуте последствиями), а имущественный вопрос попадал в компетенцию короля, поскольку речь шла не просто о разделе собственности, что М. Ю. Гольшанская немедленно доказала.

Княгиня привлекла целый «букет» обвинений, с помощью которого можно было уничтожить репутацию не только ее бывшего мужа, но и всей его новой семьи. Согласно Марии Гольшанской, переводить дело в земский и духовный суд было нельзя, так как Курбский «не ест обывателем здешнего панства», не может пользоваться шляхетскими правами, а должен, согласно Статуту (разд. III, артикул 9), нести службу с королевских пожалований «яко чужоземец». Теперь же князь Андрей Курбский нарушил условия ленного права и не может передать по наследству даже *свое* имение Ковель, поскольку он имел право передать его «по мечу» (сыну) «и то с *правою малжонкою*, яко з нею, а с тою, которую он при неи, живои малжонце своеи, з дому Семашкового понявши, за жону себе быти почитает и вже з нею потомство девку мают, которая хотя бы ему и сына потом сплodiла, кому бы тое право ленное служити мело, до того дедицства и ни до которого иншого, хотя бы што и за свои властные пенези набыл, поити не может»⁶⁸. Дети Курбского должны быть признаны «заблудными»⁶⁹. Ссылка на 23 статью III раздела Статута сопровождается важным сдвигом обвинения: Курбский уличен *одновременно* в разводе по его вине и в *двоеженстве*! В этой «вилке» особенно опасным для него было первое обвинение, поскольку оно подкреплялось отсутствием отпускного договора о взаимном согласии на повторный брак бывшего супруга... М. Ю. Гольшанская рассчитывает на победу и язвительно отмечает, что А. М. Курбский не должен выплачивать штраф суммой на ковельских владениях: они в любом случае принадлежат не ему и после его смерти будут переданы

62 РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 274. — Л. 228.

63 Там же. — Л. 228–228 об.

64 Там же. — Д. 68. — Л. 69 об.

65 Там же. — Л. 67.

66 Там же. — Л. 67 об.

67 Там же.

68 Там же. — Л. 68. Следует ссылка на Статут (разд. III, артикул 23).

69 Там же. — Л. 68–68 об.

королю. Княгиня Мария, завершив логический круг аргументации по Ковелю, показала, что она отстаивает не только свои, но и королевские интересы. Помимо развода и имущественных вопросов она борется за свою честь и требует (*только сейчас*), чтобы Курбского судили и за обращение с ней⁷⁰.

Кн. А. М. Курбский парировал: артикул 9 раздела III Статута уже не действует, и чужеземцы пользуются правами и королевскими милостями «водлуг заслуг своих»⁷¹. Все остальные обвинения были оставлены им без ответа. Тогда княгиня Мария Юрьевна продемонстрировала перед судом разводной лист, записанный епископом Феодосием в духовных книгах от 1 августа 1578 г. Вероятно, именно этот документ, подлинность которого при всей точности изложения обстоятельств дела остается неясной, усложнил дело. В тексте акта прямо говорилось о добровольном разводе обоих супругов⁷², что бросало тень на логику истца. Королевским решением расследование было передано митрополиту Киевскому, Галицкому и всея Руси Онисифору Петровичу Девочке, после окончательного решения которого в деле о разводе следовало рассмотреть и остальные жалобы княгини Марии Гольшанской, а также заявление Андрея Курбского о положенном ему штрафе⁷³. В день королевского суда в Вильно 5 июня 1581 г. и, очевидно, в прямой связи с угрозой проиграть на процессе нечто большее, чем вено жены, он составляет завещание, записанное во владимирскую книгу 10 июля⁷⁴.

Мария Юрьевна приступила к делу немедленно. Митрополит уже 7 июля 1581 г. вызвал к себе для допроса епископа Феодосия (I, 203–204). Составленное при содействии Феодосия завещание Курбского через два дня появилось во владимирской судебной книге. Борьба затянулась в связи с тем, что королевский декрет от 10 июня 1581 г. ос-

вободил князя от исков на время войны с Москвой, и у Курбского было законное основание не отвечать на первый вызов⁷⁵. С военных сборов князя привезли больным — «обложною хоробою» он отговорился в ответ на второй и третий позовы⁷⁶.

Курбский знал, что существует опасность отрицательного для него митрополитского решения. Игнорируя позовы бывшей жены, он боролся против нее своими методами. Завещания было недостаточно. В июле 1581 г. слуга князя — господарский луцкий земянин Тимофей Зык Князский, возный Ждан Чирский и Иван Семенович Ласкович дали показания о том, что летом 1577 г. во время болезни князя они видели княгиню в объятиях своего воспитанника, слуги и домашнего секретаря Курбского Ждана Мироновича (I, 145, 205–207, 210). Князю рассказали обо всем только после его выздоровления, в августе. По его приказу свидетельства были подписаны: Князским — 5 сентября 1577 г.; Ласковичем — 8 сентября 1578 г.; Чирским, с указанием на свидетельство возного Яроша Котельницкого от 20 июня 1577 г., — 20 июля 1581 г.

Первым об измене якобы узнал Ласкович⁷⁷, но не стал никому рассказывать, пока лично не увидел все явно в щель. Князский точно передал сведения Ласковича и сказал, что узнал о распутстве княгини в ночь с 19 на 20 июня. Из слов земянина выходит, что некоторые слуги Курбского подозревали его жену, считая ее причиной болезни господина и говорили о великом ее чародействе и неприязни к мужу (I, 209). В тот же день, 20 июня, согласно донесению Чирского, к Курбскому в Миляновичи приехала делегация от владимирского уряда для расследования дела о нападении на улы князя в Смедыне. Вопрос, якобы заданный больным князем возному Ярошу Жуковичу Котельницкому, не только не относился к цели

⁷⁰ Там же. — Л. 68 об. Со ссылкой на постановление Варшавского сейма.

⁷¹ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 68 об. У Курбского были и другие способы отвести критику его гражданского статуса, которыми он не воспользовался. В привилегиях Сигизмунда II Августа ему на Ковель (от 25 февраля 1567 г.) и Смединскую волость (от 23 ноября 1567 г.) его «права, свободы и вольности» приравниваются к тем, которыми пользуются «и иншии князе, панове и вси обыватели великого князства литовского народу шляхетского» (I, 12, 15; ср.: I, 171, где в веновой записи будущей третьей жене князь ссылается только на свои права в литовских владениях).

⁷² РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 69–69 об.

⁷³ Там же. — Л. 69 об.

⁷⁴ Ср.: Auerbach I. Op. cit. — S. 202–203.

⁷⁵ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 138–138 об.; Д. 67. — Л. 111 об. — 112.

⁷⁶ Там же. — Д. 68. — Л. 138–138 об.

⁷⁷ Он называет дату «20 июня»: в актах «20 июля» — ошибка (I, 205).

делегации, но и противоречил показаниям всех трех свидетелей «псоты» о пребывании Андрея Михайловича в неведении относительно внебрачных связей жены: «Естли бы, деи, его милость пане возныи што видел по малжонце моеи Мари Юревне Голшанской якую здраду ее до мене, яко мои слуги поведают, иж, деи, штос твоя милость видел» (I, 211–212). Котельницкий рассказал историю о том, будто княгиню застали с любовником в ее имении Осмиговичах. Котельницкий, как и Ласкович, утверждал, что проснулся рано и на рассвете (около 4 часов утра) отправился в «светличку» Марии, «маючи порозуменье в том, иж ее милость княгиня мяла великую бачность до того Ждану Мироновичу» (I, 212). Ярош Жукович тут же оговаривается, что целью столь раннего визита было не любопытство, а желание «в потребах своих от ее милости отправу имети» (I, 212). Узнав об этом, князь заявил, что с такой изменницей в супружестве жить не будет (I, 213). Вся история запретной любви бывшей жены производит впечатление фабрикации, и вряд ли она воспринималась иначе в середине 1581 года. Впрочем, в любом случае это надо доказать, что сегодня сделать не проще, чем тогда; и даже в качестве фальшивки весь этот «сор» может быть пригодным для истории «избы».

Митрополит оставил без внимания и чародейство, и измену жены, и ее заговор на жизнь мужа, потребовав от Курбского признания такого исхода расследования. Но расстановка сил вокруг очередного разводного скандала зимой 1581–1582 гг. показала, что у Курбского оставались еще друзья и средства воздействия на общественное мнение. Андрей Михайлович скрылся от митрополита и его слуг. Митрополит жаловался королю, что его посыльных Курбский приказывал бить и прогонять⁷⁸. 27 декабря 1581 г. посланник митрополита Федор Бережецкий пожаловался в гродском уряде на то, что в воскресенье 24 декабря возный Ждан Чирский отказался участвовать в процессе о «слушности» развода Курбского и Гольшанской. Чирский открыто заявил о своей преданности епископу Феодосию и князю и не пошел «ку поданью ему [Феодосию]. — К. Е.]

листа от его милости митрополита писанного до его милости отца владыки, узываючи его милость до себе на справу, которую маеть ее милость княгиня Курпская о развод опущенья стану малжонского» (I, 218–219). Возный заметил, что уже относил подобный вызов: «их милость на мене загле мели» (I, 219). Вскоре Бережецкий снова разыскал Ждана на рынке во Владимире и отдал ему второе, уже более настойчивое, требование отнести приглашение епископу. Возный парировал, что «то несветьская реч, але духовная», а главное, что он служит ответчикам. Слуга митрополита, натолкнувшись на такие, по его словам, потворство и пристрастие Чирского, начал искать других возных, но так никого и не нашел (I, 220). Через неделю Чирский засвидетельствовал «обложную хоробу» своего князя, освобождаящую его от вызова в суд (от 17 января) (I, 221–223). Таким образом, благодаря бездействию Феодосия, которого судебные чиновники считают другом и пособником Курбского, князю удалось затянуть процесс. Почему нельзя было привлечь его к процессу? Или князь действительно был слишком болен и, после обострения, наступившего в ноябре 1581 г., предпочитал игнорировать вызовы?

Своя версия была высказана истцом. Гольшанская отвергала законность *всех проволочек* ответчика. Ее уполномоченный Адам Мархач уличил на королевском суде Курбского во лжи. На войну ее бывший муж не ездил: 23 июля и 15 августа 1581 г. его видели в Вильно в Пречистинской церкви на богослужении, а потом он поехал не на войну, а в свое упитское имение Криничин, куда ему и возили второй и третий «позвы»⁷⁹. Уважительные причины для неявок князя были обнаружены во всех случаях. В выписке из канцелярских книг, предоставленной княгине Марии Юревне, за основу была принята версия о законности первого уклонения по причине войны (но второй и третий вызовы признаны действительными)⁸⁰. Но на процессе болезнь князя также получила подтверждение⁸¹. О его болезни было объявлено королевским листом от 12 октября 1581 г., и причина присылки на фронт только отряда от своего имени была призна-

⁷⁸ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 138–139; Д. 274. — Л. 337.

⁷⁹ Там же. — Д. 68. — Л. 138 об.

⁸⁰ Там же. — Д. 274. — Л. 337 об. — 338.

⁸¹ Там же. — Д. 68. — Л. 138 об. — 139.

на уважительной (I, 216–217). Все процессы против князя Андрея Михайловича должны были прекратиться до возвращения короля. Этим объяснялось то, что в феврале 1582 г. было вынесено постановление королевского суда потребовать от стороны истца еще одного, но на сей раз последнего, вызова⁸².

Но митрополит уже рассмотрел дело и признал правоту Марии Юрьевны в том виде, как от его имени было записано 15 февраля 1582 г., «иж тот розвод малженства не водлуг писма божьего и правил светых отец межи ними сталсе, кгдаж причин в писме божьем описаных, для которых бы розвод малженства быти мел, з obu сторон себе не дали и не показали, а хотя бы теж и з слушных причин розвод малженства межи ними сталсе: тогда вжо князь Курпский, за живота ее, иньшое жоны поимовати не мог, ани кнегиня Курпская, также за живота его за иншого мужа пойти»⁸³. Митрополит утвердил решение, так и не определившись, на каком именно этапе князь «пойман за руку».

Церковь не одобряет разводов, тем более, если оба супруга женаты в третий раз. Но переход «а хотя бы теж» в митрополичьем постановлении размывает решение главного вопроса, *от которого*, по королевскому предписанию, зависело то второе, в чем не сомневался церковный пастырь. Окончательное мнение митрополита в пользу княгини Марии Юрьевны не устраняет этой двойственности. Развод в том 1578 году состоялся, но без вины княгини Марии и без права обоих супругов на повторный брак. Семейная жизнь князя Андрея Михайловича оказалась под угрозой церковного запрещения и потери прав наследования. Соблюдая все меры предосторожности во избежание его гнева (с охранной королевской записью), 16 марта 1582 г. представители луцкого уряда и митрополита ездили к князю Курбскому и вручили ему последний вызов на срок в 6 недель, начиная от даты вручения. Князь подчинился и принял условия короля (I, 223–226).

Результаты дела не были наилучшими для Курбского. Его третья жена и дети унаследовали его фамилию и имения. Но

Гольшанская выиграла процесс, даже если Курбский считал иначе, и 27 августа 1582 г. перед судом Новгородка призналась, что Курбский заплатил ей в луцком гродском суде 1000 коп гр.⁸⁴ Только в предсмертном завещании Курбского (24 апреля 1583 г.) вопрос о его взаимных претензиях с бывшей женой был закрыт: «тогда есми з ее милость угоду вечную взял подлуг митрополего декрету и листов межи нами даных, яко ж есть на них тое наше вечное постановление достаточне описано, которая уже до мене и до маетности моее ничего не мает» (I, 238–239). Подкуп знакомых, судебные проволочки и борьба с митрополичьими слугами, безуспешный поиск денег⁸⁵, сопровождавшиеся значительными финансовыми тратами и психологическими потрясениями, омрачили последние дни жизни Андрея Курбского.

— Если в 1578 г. чародейство Гольшанской расценивалось как попытка привлечь мужа в 1577 г. и только как *намерение* его погубить весной 1578 г., то уже в 1581 г. Курбская превратилась в виновницу болезни мужа в 1577 г., изначально замышлявшую на него недоброе. Неувязку в вопросе об осведомленности князя можно было бы объяснить: он подозревал, слуги — знали, но тема не обсуждалась. Хотя и в таком случае странно, что в один и тот же день слуги случайно натолкнулись на измену, но ничего не сообщили господину, и в тот же день князь сам провел дознание, опираясь на неподтвержденные слухи. Причем Котельницкий выступил как свидетель преступления, совершенного тем же утром, о котором говорили Князский и Ласкович. Даже в том случае, если перед нами исключительно фабрикация, направленная на достижение повторного (или первого канонического?) развода с виной жены, невозможно пройти мимо тех наивных реплик слуг о злом умысле Гольшанской, которые имели косвенное отношение к процессу: княгиня — виновница болезни мужа, она испытывала к нему неприязнь и пыталась его околдовать. Прибавив к адюльтеру колдовство, можно было рассчитывать на утверждение состава пре-

⁸² Там же. — Д. 68. — Л. 139; Д. 274. — Л. 338.

⁸³ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 138; Д. 274. — Л. 336 об.; Устрялов Н. Г. Указ. соч. — С. 456–459. — № 14; АЗР. — Т. 3. — С. 228–229.

⁸⁴ Auerbach I. Op. cit. — S. 243.

⁸⁵ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 257–258; Auerbach I. Op. cit. — S. 299.

ступления. Но почему вся эта история понадобилась Курбскому только «через 4 года»? В декабре 1578 г. он был, должно быть, убежден, что, идя на материальные уступки пасынкам, он окончательно избавляется от своего второго брака. Штрафом в круглую сумму (17000 коп гр.) за возобновление дела он, как ему казалось, наложил свинцовую печать на пересуды с Гольшанской. Испытав на себе вероломное несоблюдение договоренности со стороны бывшей жены, он воспользовался и со своей стороны «запретным приемом».

— Обескураживающее заявление Гольшанской о незаконном держании бывшим мужем Ковеля и других имений было сильным, но странным аргументом. Этим она сказала нечто большее, чем потребовала вено⁸⁶. Рассчитывая на получение части имений мужа, ей, кажется, следовало, наоборот, настаивать на его правах и опровергать только законность бракоразводной сделки. Вместо этого она совершила откровенную провокацию, и Курбскому пришлось отвечать через ее голову. Если перед нами спланированный упреждающий удар с целью «добить» ослабленного судебными процессами князя и лишить его и его наследников «доброе имени», то время выбрано было очень удачно. Князь часто болел, и слухи о

его смерти свидетельствуют о внимании придворных к возможности передела его имущества⁸⁷. Кроме того, у М. Ю. Гольшанской появилась возможность отказаться от ряда документов разводного процесса. Ее сын и представитель на приятельском суде в августе 1578 г. Ян Монтолт умер между 6 июня и 6 октября 1580 г.⁸⁸. Сделки, заключенные им от ее имени, теряли свой вес и возникала возможность судебного маневра⁸⁹.

— Может быть, история «адольтера» бывшей жены была провокацией в ответ на провокацию и преследовала цель, частично достигнутую: доказать вину Гольшанской, законность нового брака и права детей на наследование? В ряду событий разводного процесса намечается, тем не менее, цепочка «улик», которая складывается из недомолвок, сама недосказанность которых многообещающа.

Московские послы: «Курбский княгини не любил и не жил с нею».

Дело Раины: найден мешочек с чарами, «але деи то не отрута, одно для того, иж бы ее княз миловал».

Три года спустя: судебные поверенные видели четыре года назад писаря Ждана Мироновича и княгиню «на одном ложку лежачи и псоту чинечи»⁹⁰.

⁸⁶ Статут Великого Князьства Литовского 1566 года // Временник Императорского Московского ОИДР. — М., 1855. — Кн. 23. — С. 112.

⁸⁷ Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego. — Т. II: 1580–1582. — Warszawa, 1909. — S. 302, 304.

⁸⁸ I, 184–189, 223–226; РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 67. Последнее дело, по которому он проходил вместе со своим братом, было инспирировано мужем их двоюродной сестры А. Я. Монтолт-Згличинской Павлом Згличинским. Анна Монтолт призналась, что при содействии своих двоюродных братьев изменяла мужу. Взамен она обещала выкрасть запись второй жене Я. Я. Монтолта Варваре Александровне и ее отцу Александру Богдановичу Семашко на имения Коблин, Млинов, Лицую. Третья жена А. М. Курбского, видимо, приходилась двоюродной сестрой А. Б. Семашко (ср.: Яковенко Н. М. Указ. соч. — С. 144; Auerbach I. Op. cit. — S. 231–232). В таком случае заговорщическая деятельность детей Марии Гольшанской была направлена не только на возвращение имений, потерянных после смерти их дяди Яна Якубовича Монтолта, но и на одновременную борьбу против новой семьи их бывшего отчима. Но их двоюродная сестра призналась на суде перед мужем во всех преступлениях и потребовала для себя казни или заточения в монастырь и кары для своих сообщников. Не была ли применена казнь по этому делу к Я. А. Монтолту? В пользу такого предположения свидетельствует его смерть вскоре после начала процесса Згличинских.

⁸⁹ Ничем не обоснована гипотеза И. Ауэрбах, что М. Ю. Гольшанская подала жалобу по настоянию ее сына Яна. В судебной аргументации княгини он фигурирует как покойник. Этим же фактом можно объяснить провал апелляции Курбского о штрафных санкциях за нарушение договоренностей о разделе имущества. Судя по всему, к моменту выступления Марии Юрьевны ее сына не было в живых уже несколько недель (ср.: Auerbach I. Op. cit. — S. 238).

⁹⁰ Писарь Ждан Миронович доставил серьезные беспокойства Курбскому. Он передал часть документов на Дубровицу Яну Монтолту от М. Рагозы в июне 1578 г. (ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 11. — Л. 90 об. — 91; Auerbach I. Op. cit. — S. 311. — App. 13; S. 384). Его же обвиняла служанка княгини Раина в посредничестве между ее госпожой и Яном Монтолтом. Князь не прекращал доверять секретарю. И неожиданно для него Ждан сбежал с расписками, декретами и листами судовыми, унеся с собою также «готовых килка десят мамрамов с печатью и с подписом руки его милости князя Курбского» (на писаря тут же «повесили» сомнительную уже по самой формулировке сумму — несколько сот коп гр.). Мария Гольшанская смело взяла ответственность на себя и поручилась на сумму в 10000 коп гр., обещав выставить под своей опекой беглеца через 4 недели, начиная с 1 октября 1578 г. (I, 144–146). Ее смелость достигла результата. Ждан остался при ней. Позднее он получил от нее запись на денежное вознаграждение (II, 291–293), а 28 июня 1590 г. участвовал на стороне А. Фирлея и его жены Б. М. Козинской в нападении на село Белин бывшего служебника Курбского,

В традиционном семейном праве Волынского воеводства рубежа XVI и XVII веков сохранялись общественные идеалы, родственные западным феодальным представлениям об экономически полноправной женщине, свободно дарящей себя рыцарю⁹¹. Замужество скорее было освобождением от власти отца, чем вступлением под власть мужа: жена, получая вено и привенок, становится правоспособной собственницей с широкими судебными полномочиями, независимой канцелярией и свободой на вступление в обязательства⁹². Свободная «ренессансная» любовь замужней женщины вписывалась в этику рыцарского общества и не была исключительным явлением в Речи Посполитой⁹³, хотя законодательные источники декларировали конкурирующие друг с другом религиозные и светские жесткие меры наказания за измену.

— Роль церковных властей в разводе, особенно в 1578 г., представляет еще одну загадку. Гольшанская, если верить жалобе Монтолта июля 1578 г., развелась с мужем уже тогда, то есть до приятельского суда. Но князь отпускать ее не собирался, что его пасынок объяснил материальным интересом. Церковная власть в этом одностороннем разводе была представлена епископом Феодосием. Через 4 года митрополит Онисифор признал его действия незаконными. Развод Курбских отличается слабой документированностью и той неформальностью, которая дала Гольшанской зацепку для повторного иска. Во-первых, в «разводном листе», если таковым можно считать запись о мировой сделке А. М. Курбского с Я. А. Монтолтом, отсутствует пункт, в котором бы муж разрешил жене снова выйти замуж, а

жена бы, как в деле Яна Глинского с Катериной Крик в 1581 г., «с стану малженского выпустила и вольным учинила на часы вечные и дала ему вольность з другою жоною ся оженити»⁹⁴. Формальное разрешение нового супружества теоретически позволило бы сторонам искать пути преодоления христианского положения о законопреступных браках, начиная с третьего. Отсутствие в разводном листе подобной записи не избавляло обоих супругов от вериг закона, поскольку, согласно апостолу Павлу, жена «не разделяется [*глосса*: не отрешается або не распускается] живу сущу мужу, ани другога приведет мужа, ани другой брак имеет»⁹⁵, а муж, согласно Христу, не может отпустить от себя жену, не доказав совершенное ей прелюбодеяние, иначе сам становится прелюбодеем⁹⁶. Во-вторых, как уже было упомянуто, обязательство сторон (30 декабря 1578 г.) после развода обратно «до малженства» не «притегати»⁹⁷ было безнаказанно нарушено Гольшанской. В-третьих, Гольшанская настаивает, что она законная «венчальная малжонка»⁹⁸, но о духовном разводе супругов сведения противоречивы, — Курбский заявлял, что Гольшанская должна помнить решение епископа Феодосия, Гольшанская ссылалась на акт епископа и привела его полный текст по своей копии на королевском суде для записи в канцелярскую книгу, но этот акт составлен на основании приятельского развода и не содержит никаких следов рассмотрения дела и записей об обязанностях сторон после его подписания.

С другой стороны, епископ Феодосий Лазовский был специалистом в области фиктивных разводов. В августе 1568 г. он разводил другого харизматического православ-

Кирилла Зубцовского (II, 216–217). И. Ауэрбах полагает, что Ждан Миронович написал Вольфенбюттельский том «Нового Маргарита», подготовленного в кружке А. М. Курбского (Auerbach I. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbskij und sein Kreis // Kurbskij A. M. Novyj Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift. — Giessen, 1990. — Bd. 4. — Lief. 15. — S. 28–29).

⁹¹ Kelly J. Women, History and Theory. The Essays of Joan Kelly. — Chicago; London, 1984. — P. 26–27, 116.

⁹² Левицкий О. Указ. соч. — С. 53–68.

⁹³ Sereďyka J. Księżniczka i chudopacholek: Zofia z Radziwiłłów Dorohostajska — Stanisław Tyimiński. — Opole, 1995.

⁹⁴ Bardach J. Op. cit. — S. 286–290, 296, 301.

⁹⁵ Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Giessen, 1987. — Bd. 2. — Lfg. 9. — Bl. 258v/5–259v/1. См. также: л. 257 об./22–24, 258/7–9, 261 об./10–12, 262/15–18. Запрет жене «отпустить мужа своего» отразился в IX каноне Василия Великого (Иеромонах Николай (Ярушевич). Церковный суд в России до Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). (Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде): Историко-каноническое исследование. — Пг., 1917. — С. 176–184).

⁹⁶ Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Giessen, 1985. — Bd. 2. — Lfg. 8. — Bl. 255v/15–17; Bd. 2. — Lfg. 9. — Bl. 256v/12–16.

⁹⁷ Bardach J. Op. cit. — S. 291.

⁹⁸ РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 67 об.

ного рыцаря, друга Курбского Василия Петровича Загоровского и Марушу Николаевну Збаражскую. Примечательно, что тогда Маруша не явилась на суд и воспользовалась помощью брата Януша для отвоевания имений у мужа. Можно обнаружить сходства между разводными историями Загоровских и Курбских. Епископ заочно освободил Загоровского от жены. Князь Н. А. Збаражский, возмущенный дарственными записями, выданными его дочерью мужу после свадьбы, содействовал прекращению их совместной жизни и предложил развестись без духовного суда, по «листу угоды». Второй брак Загоровского с Катериной Ивановной Чарторыйской также оказался неудачным, он начал заниматься разводными документами, но 9 марта 1577 г. попал в татарский плен, где и умер через 3 года. Узнав о его смерти, Катерина и Маруша принялись судиться за его имения — сначала у Феодосия, затем у митрополита, который направил их обратно к епископу. 21 апреля 1581 г. служебник Януша Збаражского спросил Феодосия, действительно ли он разводил Загоровского и Збаражскую и получил ответ: «розводу жадного не чинил [...] и благословения жадного не давал на оженене иношою жоною»⁹⁹. 24 февраля 1583 г. он дал такой же ответ на запрос о «розводных листах» брату княгини Катерины Юрию Чарторыйскому¹⁰⁰. В ноябре 1583 г. прошли последние судебные заседания по делу Загоровского. Интересно, что Збаражская ссылалась на суде одновременно на нормы Евангелия и Статута 1566 г., обвиняя бывшего мужа и его вторую

жену в законопреступном сговоре¹⁰¹. Все контраргументы защитников Чарторыйской были отвергнуты, но после предоставления Феодосию с их стороны таинственного письма (с угрозами или посулами) окончательное решение было принято в их пользу¹⁰². Дело продлилось до 1590-х гг. Как видно, Феодосий в нужный момент сослался на то, что развода и разрешения на новый брак не дал. Так можно было отговориться и в деле Курбских, поскольку в обоих случаях совершены одни и те же ошибки в составлении разводных листов — и епископу даже не требовалось отговариваться от собственных актов. Достаточно было, например, их уничтожить в своих же духовных книгах записей, а от существования копий откреститься¹⁰³.

За фасадами повседневности, или Что все это значит?

1) Благодаря браку Курбский и Гольшанская, об эмоциональных взаимоотношениях которых до 1576 г. почти ничего неизвестно, сумели решить личные проблемы и открыли для себя новые общие перспективы. Рождение ребенка, причем необязательно сына, позволило бы им создать могущественную династию с обширными владениями в Литве и на Волыни. Курбского судебные чиновники начали иногда называть «вельможным»¹⁰⁴. В официальных документах он примерно со времени своей женитьбы на княгине Дубровицкой Гольшанской писался Курбским Ярославским¹⁰⁵. И. Ауэрбах считает, что перелом в отношениях между суп-

⁹⁹ АЮЗР. — Ч. 8. — Т. 3. — С. 336–337.

¹⁰⁰ Там же. — С. 338–339.

¹⁰¹ Матф. XIX.1–12; 1 Кор. VII.1–16; Статут IV.56, V.18, VI.14, 52, IX.6, XI.2. — См.: АЮЗР. — Киев, 1859. — Ч. 1. — Т. 1. — С. 174.

¹⁰² АЮЗР. — Ч. 1. — Т. 1. — С. 178, 180; Там же. — Ч. 8. — Т. 3. — С. 341–342, 344–345.

¹⁰³ На то, что Феодосий уничтожал документы из духовных книг, ссылались в своей жалобе 30 апреля 1589 г. многие свидетели августовского развода Курбских 1578 г. Якобы более чем за 10 лет до своей жалобы представители владимирской капитулы просили епископа правне поступовати, но наткнулись на вспышку гнева: «Феодосий того нам не допустил, и овшем заборонил, и некоторых священников посохом збил, для чого до того часу мусели есмо быти терпливими» (АЮЗР. — Ч. 1. — Т. 1. — С. 242–243, 361).

¹⁰⁴ Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... — S. 227–228.

¹⁰⁵ См.: I, 29 (22 августа 1571 г.), 36 (30 марта 1572 г.), 39 (10 июня 1572 г.). Благодаря Наталье Старченко, которая по моей просьбе просмотрела ряд Владимирских гродских книг и обнаружила переход к использованию родовой фамилии (Ярославский) с владельческой (Курбский) с 3 мая 1572 г. (ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 7. — Л. 42). И. Ауэрбах ссылается на пример упоминания А. М. Курбского в Разрядной книге 1475–1605 гг. как «Курбского Ярославского» еще в период его пребывания в России, но этот случай уникален для Разрядных книг, появляется только в Пространной редакции Разрядных книг в отрывке, который не читается в Краткой редакции, и может быть результатом творчества начала XVII в. (Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... — S. 25; Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1978. — Т. I. — Ч. III. — С. 428 (л. 275 об.); ср.: Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 137–143 (л. 136 об. — 147 об.); Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. — М., 1962. — С. 131 и сл.; Зимин А. А. Текстология Пространной редакции Разрядных книг (за 1475–1537 гг.) // Архив русской истории. — М., 1992. — Вып. 2. — С. 149–170). В публицистике перемена также заметна. Курбский выступает как «Согурсус» в качестве героя поэмы Яна

ругами произошел после 29 августа 1574 г., когда Ян и Андрей Монтолты были наделены имуществом: Андрей Андреевич мог держать зло на отчима уже тогда, так как Курбский выкупил у жены за символическую сумму (150 коп гр.) записанные ему имения Шешоли и Крошты; а Ян Андреевич был обойден в период болезни матери в марте 1576 г., когда она записала мужу ту же половину Дубровицы, которая после смерти ее первого мужа была предназначена старшему сыну¹⁰⁶. Трудно согласиться, что до 1577 г. пасынки представляли серьезную угрозу князю. Согласно показаниям Курбского, он якобы подозревал их в злом умысле против матери, до последнего момента (до жалобы о покраже документов от 25 августа 1577 г.) изображая себя ее соратником в борьбе против детей. Но предположения князя были уже частью игры, в которой слова и действия сторон провоцировали, сбивали с толку, скрывали *другое*. Отправной точкой для развития противостояния скорее следует признать болезни супругов 1576–1577 гг. Показание Раины (июнь 1578 г.) о мешочке с чарами «для любви», даже если это выдумка или навязанное вступление к истории о попытке отравления, могло бы свидетельствовать о том, что княгиня сама или в восприятии мужа стремилась воспользоваться помощью знахарок для рождения ребенка. Какой-то срыв в этой (неясно, чьей) инициативе мог изменить картину отношений в семье Курбских еще до болезни княгини. На мысль о сомнениях Курбского относительно возможности продолжения рода с Гольшанской наводит его поспешная третья женитьба в апреле 1579 г. на А. П. Се-

машковне. Можно только гадать, было ли выступление княгини Марии в 1581 г. против законности развода шантажом каноническими санкциями или мстью за третий брак и ответом на рождение у бывшего мужа дочери Марины. Должна рассматриваться еще и та возможность, что целью княгини Марии или стоящих за ее спиной лиц было создание прецедента для конфискации волынских владений Курбского. Ковель был предметом заочных споров между магнатами, и уже к 1576 г. велась борьба за этот замок¹⁰⁷.

2) Скандал не был бы таким ожесточенным, если бы его не сопровождала «информационная война». Пасынки Курбского к июлю 1575 г. охотились за документами, которые он старался держать под надзором своих урядников. Несмотря на гневное (и вряд ли искреннее) обвинение детей в завещании, княгиня не могла спокойно отнестись к перспективе лишиться контроля над родовыми документами. С этого сомнения требуется начать новую ветку рассуждений: помогала ли она детям до 1577 г. или документы для нее были лишь средством ответить на оскорбительное заключение в Ковеле? Учтем тот факт, что грабителя бланков Курбских в 1575 г. Матфея Кгинейко Гольшанская считала своим хлопцем. То есть — ее окружение могло быть заинтересовано в поддержке Монтолтов? В руках у князя «мамрамы» были надежным оружием против своеволия жены, поскольку он пользовался правом вступать в сделки от ее имени. Уже в разгар ссоры она направила максимум усилий, чтобы под прикрытием слуг (и обрекая их на смерть в случае поимки) раздобыть свои документы¹⁰⁸. В условиях давле-

Старыкона Семушовского «Conflictus ad Nevelam Polonorum cum Moschis» (1568 г.). В эпохе «Radivilias» Яна Радвана Курбский в битве при р. Уле 1564 г. — «Dux Andreas Curpski» (Благодарю Андреаса Кашелера за возможность ознакомиться с подготовленной к печати рукописью его статьи Латинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о победе Курбского). А уже юрист Андрей Волан в предисловии к своему трактату (5 января 1572 г.) упоминает «князя Андрея Ярославского» (De libertate Politica sive civili libellus lectu non indignus / Autore Andrea Volano. Cracoviae In Officina Matthiae Wirzbietae Thytopographi S. R. M. 1572 // Biblioteka Czartoryskich. Muzeum Narodowe w Krakowie. Шифр: Cim. 418. I. Ark. AIVr — BIr). Владельческая фамилия Ковельский, несмотря на ее принадлежность представителям рода Сангушко и на шаткий статус вольнского имения Курбского, также употреблялась не только самим князем (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 68. — Л. 157; ОР Центральной библиотеки Академии наук Литвы. — Ф. 20. — ТА 103 — репродукция в кн.: Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... — S. 376–377).

¹⁰⁶Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbskij... — S. 213.

¹⁰⁷РГАДА. — Ф. 79 (Польские дела), оп. 1. — Кн. 10. — Л. 139–139 об.; см. также: Archiwum Jana Zamoyskiego kanclerza i hetmana wielkiego koronnego. — Warszawa, 1909. — Т. 2. — S. 304.

¹⁰⁸Здесь необходимо отступление для констатации еще одной возможности. Фактически до королевского суда, на котором должна была решиться судьба семьи Курбских, 3 июля 1578 г. Ян Монтолт заявляет на Львовском сейме, что «таковое обтяжливости не хотечи княгини matka его терпети, водле обычаю костела божьего греческого принесла вызволение от князя Курпского з малженства перед особами певными духовными» (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 272. — Л. 74 об. — 75). Это заявление заставляет серьезно отнестись к вопросу о том, что односторонний развод (со стороны Гольшанской) мог произойти уже до 3 июля 1578 г. В таком случае наиболее вероятно, Курбский препятствовал завершению бракоразводной процедуры, что Монтолты

ния со стороны Монтолтов, настроивших против него общественное мнение, Курбский проявляет невиданную расточительность. Он продает Збаражскому Осмиговичи, с Мыльскими вступает в выгодные для них переговоры — эти действия, предпринятые им во время заключения жены, не поддаются однозначной оценке. Рассчитывал ли он заложить временно земли, пока считал себя вправе ими распоряжаться, чтобы затруднить затем для жены выкупные операции? Нельзя исключить и совсем другое объяснение: он мог провоцировать жену на конфликт, чтобы приблизить развод с ее «виной»¹⁰⁹. В таком случае авантюра частично удалась, поскольку именно тогда (август 1577 г.) часть документов, но не тех, в которых нуждалась княгиня, были украдены при ее содействии и переданы прокуратору. В мае 1578 г. попытка ограбления повторилась. За какие-то документы тяжба продолжалась еще в 1579 г., и в иске княгини в 1581 г. также говорится о документах, так и не возвращенных Курбским.

3) Инициаторами и провокаторами скандала на разных его этапах выступали не одни и те же лица. Бракоразводный процесс создавал новые роли и затягивал в них новых исполнителей. Развод произошел только после декрета короля, за словом которого следует искать советников королевской рады. Московские послы указывают на О. Б. Воловича. Это неясное свидетельство не поддается расшифровке из-за обилия неточностей в рассказе послов. Других документов, говорящих о прямом участии Воловича в

истории развода мы не имеем. На основании данных о его владениях, личных и политических связях можно представить совершенно различные сценарии его вмешательства. Во-первых, при буквальном прочтении статейных списков Остафий Волович мог содействовать Монтолтам после того, как узнал о содержании львовской обличительной речи Я. А. Монтолта 3 июля 1578 года. Во-вторых, он был тесно связан с проблемой московских иммигрантов, и мог поддержать отрицательное отношение к ним на волне приготовлений к московскому походу¹¹⁰. В-третьих, жена Воловича Федора Павловна Сапежанка была дочерью сестры княгини Марии Гольшанской — Олены (Александры) Юрьевны, и канцлер Великого Княжества Литовского, как уже говорилось, был заинтересованным лицом в борьбе за наследство Гольшанских. Своими договорами с другими участниками раздела Курбский проявил непозволительную самостоятельность не только по отношению к жене, но и к другим наследникам, что и могло повлечь реакцию могущественного канцлера¹¹¹.

Голос жены в данном случае с трудом различим за голосом мужа, но недостаток слов компенсируется поступками, в которых слабость — один из сильных и властных аргументов¹¹². Княгиня Мария Юрьевна не выступала в этом конфликте как слабая или только угнетаемая сторона. Из обрывочных и неоднозначных свидетельств источников можно составить сложный портрет деятельной и энергичной женщины. Вступив в третий брак, она решила свои финансовые

объясняли алчностью князя. Вся история в свете этой версии приобретает новую сюжетную линию: если князь знал о решении жены, то его имущественная и судебная деятельность рубежа второй половины 1577 — первой половины 1578 года оказывается не предысторией разрыва, а его следствием или попыткой предупреждения жены со стороны мужа.

¹⁰⁹ Согласно артикулу 18 Раздела V Статута 1566 года, «пакли бы жона винна найдена, тогда внесенье и оправу свою тратить» (Статут Великого Княжества Литовского 1566 года... — С. 112). Покража женой (или ее подставными лицами) вещей мужа была достаточным основанием для возбуждения разводного процесса в русских землях еще во времена Устава Ярослава» (Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. — М., 2002. — С. 196–197). Но в источниках нет признаков того, что Курбский использовал дела о кражах непосредственно в разводном процессе.

¹¹⁰ Стефан Баторий наделял московитов детей боярских (Война Захарович, Исак Степанович) ленными земельными владениями в пределах Берестейского староства, где со времен Сигизмунда II Августа арендатором был Волович (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 63. — Л. 74–74 об., 147 об. — 149 об.; Д. 64. — Л. 294), а королевского фаворита В. С. Заболоцкого в старостве Кобринском (Там же. — Д. 58. — Л. 58–59 об., 111 об. — 113 об., 139–139 об., 158 об., 231–232; Д. 63. — Л. 116–116 об., 151–152). Канцлер получал компенсации в других землях, и подобные обмены воспринимались как махинации, умаляющие интересы коренной шляхты (РГАДА. — Ф. 389, оп. 1, д. 60. — Л. 162–162 об.; Skwarczyński P. Stanowisko cudzoziemców w dawnym prawie polskiem koronnem. — Lwów, 1932. — S. 14–15, 18–19, 27, 35 ff). Дело Курбских стало удобным случаем, чтобы проявить солидарность с шляхтой. Кроме того, львовская речь Яна Андреевича рассчитана на создание образа князя Андрея Михайловича как московита, тирана в семейной жизни и имеет все признаки пропаганды.

¹¹¹ Впрочем, не менее вероятен в сообщении об активной борьбе О. Б. Воловича против кн. А. М. Курбского очередной дипломатический демарш панов рад, направленный на развитие доверительных отношений между Воловичем и царем.

¹¹² Ср.: Duby G., Geremek B. Passions communes. Entretiens avec Philippe Sainteny. — Paris, 1992. — P. 92.

и имущественные трудности. Она вытеснила арендатора из своего имения и учинила ему судебную расправу. При поддержке Курбского она продолжала борьбу за «наследство Гольшанских». У нее — особые слуги, своя канцелярия, доступ к документам, хранящимся в канцелярии мужа. Она рискует если не жизнью, то честным именем, когда решается на кражу (даже если изъятие семейных бумаг из канцелярии мужа было им сочтено за таковую), а затем отказывает мужу, когда тот предлагает ей любовную сделку. Она тайно обменивается письмами и документами со своими детьми, тайно от мужа разводится с ним, подговаривает против него его слуг, благоволит к одному из его секретарей или вступает с ним в любовную связь и заставляет его бежать от господина. Она устраивает заговор, когда ее муж отправляется без ее разрешения в ее родовое владение. Когда она понимает, что против нее муж использует в процессе ее служанку, она поворачивает ее показания против него самого и заставляет его отступить. Она возобновляет процесс и добивается в нем новых успехов почти через четыре года после развода. Важно, что супруга «москвитка» не была согласна на роль безмолвной и незаметной статистки во всей этой истории, и сама принимала активное участие в борьбе за свои интересы и интересы детей, не став в то же время пассивной исполнительницей и их воли.

Помимо наиболее активных участников процесса Курбского, Гольшанской и Монтолов, выделяются также церковные власти (митрополит Онисифор и епископ Феодосий), слуги и судебные чиновники, от позиций которых, как видно, зависели результаты расследований и поиск, подбор и возможная фальсификация документов. Приятельские отношения Курбского и Феодосия способствовали тому, что процесс затягивался, что было на руку князю. Епископ был участником других бракоразводных процессов того времени, и его закулисная деятельность заставляет предполагать, что от-

сутствие ряда формальностей в разводных листах Курбских (особенно каких-либо записей о каноническом разводе и разрешении вступать в новые брачные связи), именно при его содействии князю, не повлияло на скорое решение Андрея Михайловича жениться в третий раз. В то же время митрополит Онисифор, по всей видимости, принял сторону княгини Марии. Последовательность его действий в 1581–1582 гг. заставляет думать, что ему уже до суда все было понятно, и он считал явку Курбского необходимой формальностью для утверждения своего приговора. Понял ли ответчик, что процедура рассмотрения дела нарушена, или действительно считал свое положение обреченным, но он протянул, скорее всеми «неправдами», чем «правдами», почти год, прежде чем был вынужден королевским вызовом прийти к митрополиту.

4) Интерес вызывает тот факт, что провалились канонические аргументы Курбского, на которые можно было рассчитывать в случае, если бы церковь искала вину одного из разводящихся. Однако в Западной Руси, как и в Польше, дьявол и колдуны не были объектами систематических преследований церкви, а в быту «чары для любви» и для других целей, не связанных прямо с ересью и с «темными силами», не вызывали подозрений, поскольку совершались зачастую с использованием христианских обычаев. Несмотря на обвинения в использовании колдовства для отравления и нанесения материального ущерба, магическими средствами пользовались для поиска преступников, денег, скота, борьбы с природными катаклизмами. «Чаровнический» аргумент в судебных спорах, в отличие от политической практики Московии, имел подчиненное значение¹¹³. Отношение же общества к прелюбодеянию было сходно в Московской, Западной Руси и в Польше. Совершение этого греха наказывалось разводом с виной преступника. В Московии муж был обязан развестись¹¹⁴. В шляхетской Литве для пре-

¹¹³Tazbir J. *Obraz heretyka i diabla w katolickiej propagandzie wyznaniowej XVI–XVII w.* // *Kwartalnik Historyczny*. — Warszawa, 1981. — R. LXXXVIII. — Z. 4. — S. 939–953; Bylina S. *Magia, czary i kultura ludowa w Polsce XV i XVI w.* // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. — 1990. — R. XXXV. — S. 39–51; Bogucka M. *Gender in the Economy of a Traditional Agrarian Society: the Case of Poland in the 16th — 17th Centuries* // *Acta Poloniae Historica*. LXXIV. *Gender Studies*. — Warszawa, 1996. — P. 12. Нельзя согласиться с И. Ауэрбах, что Курбский, отводя в 1581 г. «попытку отравления» на задний план иска, стремился спасти бывшую жену от смертного приговора или не был уверен в своей правоте. Представляется, что это был просто недостаточный аргумент в сложившихся обстоятельствах, когда князю пришлось выполнять сразу две задачи: отстаивать право на владение и закреплять третий брак (Auerbach I. *Op. cit.* — S. 240–241).

¹¹⁴Пушкарева Н. Л. *Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.)*. — М., 1997. — С. 24.

любодейки предписывалась казнь «горлом». В Польше муж был волен поступать с неверной женой как ему вздумается¹¹⁵. В 1578 г. Курбский и Гольшанская разводились по светским обычаям, действовавшим в Литве, несмотря на частые запреты королевской и митрополичьей властей¹¹⁶. Князь готовил обвинения жены в измене православию, но для Марии Юрьевны они вряд ли были страшны: во-первых, она была известна как ревностная христианка; во-вторых, на королевском суде во Львове, где ее дети быстро захватили инициативу, ни мешочек с зельем, ни подозрения в измене не имели никакого значения и, по-видимому, даже не были упомянуты. В 1581–1582 гг. обстоятельства изменились. Князь испытал на себе обвинение в неканоническом разводе и был вынужден отстаивать третий брак, в котором он стал отцом наследницы. Выгода получения светского развода от Гольшанской заключалась в возможности аннулировать второй брак для устранения перспективы вступить в законопреступный третий. Однако понятие *выгоды* ничего не предписывает, а само конструируется из истолкований поступков. Собирательство в исследовании развода Курбских незаметно переходит в археологию, которая также незаметно сама становится собирательством.

5) Качества *Московита*, приписываемые Курбскому в источниках, также нельзя обходить стороной. Его происхождение играло против него. Его и его поверенных не признавали на судах. Пинская шляхта объявила как раз накануне его разрыва с женой о поддержке «своего» Олизара Кирдея Мыльского. Недоверие, окружавшее князя, переживалось им тяжело. Он сожалел о православном отечестве (но вряд ли о прошлом политическом подданстве), о самом себе, окруженном «бедами и напастями от ту живущих человек и всякими ненавистями»¹¹⁷. Закрытость его имений была все-таки заметнее, чем у других шляхтичей. Но све-

дений, что упреки Монтолтов справедливы, не обнаруживается: тюрьму Курбский использовал для подданных, но не для жены, которую на протяжении процесса постоянно видят свободной в разных владениях. Ничем, кроме исков *якобы* потерпевшей стороны, не подкрепляются заявления о склонности князя к использованию физического насилия в отношениях с женой¹¹⁸. Московские черты поведения Андрея Михайловича обнаруживают также в его манере общения и обращения со служебниками. Ругался князь так, что его слова вызвали устно на допросах и не вносили в судебные книги с указанием, что свидетель в случае надобности их может произнести¹¹⁹.

6) Имея дело с семейными идеалами и фантазмами, невозможно пройти мимо их причудливого и противоречивого сочетания в «большом времени» одного разводного процесса. В 1578 году сторона княгини Марии Юрьевны объявляла, что она — княгиня — стремилась вырваться из супружеского заточения и заблаговременно развелась в одностороннем порядке. В 1581 г. уже сама Гольшанская выдвинула версию, что заточением и насилием Курбский добивался от нее развода. С формальной точки зрения развода вообще так и не произошло (в 1578 г. документы составлены некорректно, а в 1582 г. постановление принято лишь по материальному иску), но формальности в этой правовой области были еще в процессе становления. Правовая «лакуна» оказалась на руку тому, на чьей стороне была церковная власть в лице митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси.

Не меньше противоречий, и тоже в свою пользу, разрешал князь Андрей Михайлович. Комментарии к его «Новому Маргариту» показывают, что читатель поучения Иоанна Златоуста «О разводе жен» не признает законным не только третий, но и второй брак: «ибо ани два або три ребра вынял Господь от боку мужа, и две або три

¹¹⁵Bogucka M. Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku. — Warszawa, 1994. — S. 71–72.

¹¹⁶Bardach J. Op. cit. — S. 265–268.

¹¹⁷Prince A. M. Kurbsky's History... — P. 174; Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Giessen, 1976. — Bd. 1. — Lfg. 1. — Bl. 6v/15–7/2.

¹¹⁸Впрочем, даже отказываясь вслед за И. Ауэрбах от «Домостроя» как источника представлений Курбского о семейном насилии, мы обнаруживаем в «Новом Маргарите» суждение о трех этапах укрощения «срамной» жены: «перше накажи.., потом обличи.. третье достойно есть, ижбы была казненна яко раба [*гlossen*: невольница], коя срамлятися не умеет, яко свободна, то есть, по Соломону, «жестокую жезлом бий» (Kurbskij A. M. Novyj Margarit. — Giessen, 1987. — Bd. 2. — Lfg. 9. — Bl. 256/11–17).

¹¹⁹ЦГИАК. — Ф. 28, оп. 1, д. 5. — Л. 235 об.

сотворил жены»¹²⁰. Курбский попытался обойти канон с двух сторон и представил жену как чародейку и воровку. Существует еще один подтекст слова о разводе, который косвенно содействовал князю. Муж и жена рождаются из разных утроб, в отличие от «летающих некоторых», и причина этому в

том, что «Бог воистинну мужа и жену сотворил детородия ради»¹²¹. Брак Андрея и Марии Курбских не выполнил божественную миссию¹²². Бог, наказавший супругов отсутствием потомства, подсказал разрешение канонических противоречий в пользу развода.

¹²⁰Kurbuskij A. M. *Novyj Margarit*. — Bd. 2. — Lfg. 8. — Bl. 253v/18–20, 255v/3–4. Курбский называет великую княгиню Соломонию Сабурову богоданным «ребром» законопреступника Василия III в «Истории» (Prince A. M. Kurbsky's History... — P. 4).

¹²¹Kurbuskij A. M. *Novyj Margarit*. — Bd. 2. — Lfg. 8. — Bl. 253v/26–254/1. «Безчадие» было недостаточным аргументом для канонического развода (Иеромонах Николай (Ярушевич). Указ. соч. — С. 211–213).

¹²²Темные силы, к которым якобы обращалась княгиня в интимных целях, уже однажды привели к трагедии — вселению дьявола в московский княжеский род. Старик Василий III с женой «юною сущюю» искали чародеев для совершения зачатия, которое было невозможно без содействия колдовства. В итоге родились два сына «за помощь их от прескверных семян, по преизволению презлому (а не по естеству от Бога вложенному)»: один губитель страны, а другой дегенерат (Prince A. M. Kurbsky's History... — P. 202–204).